

ФРАНСУА ГИЗО
ИСТОРИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИИ
В ЕВРОПЕ

ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО

Франсуа Гизо

История цивилизации в Европе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2874165

Франсуа Гизо. История цивилизации в Европе: Издательский дом «Территория будущего»;
Москва; 2007
ISBN 5-91129-031-6

Аннотация

«Франсуа Пьер Гильом Гизо – государственный человек и знаменитый писатель Франции, член Парижской академии наук... Предлежащее сочинение, вместе с его „Историей английской революции“, несомненно лучшее из всех исторических сочинений Гизо».

Содержание

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФРАНСУА ГИЗО	5
ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ	8
ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ	19
ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ	32
ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Франсуа Гизо

История цивилизации в Европе

СОСТАВИТЕЛИ СЕРИИ:

В. В. Анашвили, А. Л. Погорельский

НАУЧНЫЙ СОВЕТ:

В. Л. Глазычев, Л. Г. Ионин, А. Ф. Филиппов, Р. З. Хестанов

Текст печатается по изданию: Гизо Ф. История цивилизации в Европе / Пер. с франц.
Изд. 3-е без перемен. СПб., 1905.

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФРАНСУА ГИЗО

Франсуа Пьер Гильом *Гизо*, государственный человек и знаменитый писатель Франции, член Парижской академии наук, родился в Ниме 4 октября 1787 года. Он принадлежал к благородному протестантскому семейству, сильно пострадавшему как от религиозных гонений прежнего режима, так и от ужасов революции. Его отец, выдающийся адвокат, погиб на эшафоте 8 апреля 1794 года. Вдова его с юным сыном, Франсуа Гизо, бежала в Женеву, где этот последний столь же страстно, как и успешно, предался изучению языков и литературы. В 1805 году он сдал в Париже экзамен и поступил учителем в дом бывшего швейцарского министра Штапфера. Введенный в дом Сюарда, он познакомился с литературными деятелями того времени, в том числе и с Полиною Мелан, работавшей тогда в «Публицисте». Во время ее продолжительной болезни Гизо исполнял бескорыстно ее работу; чувство благодарности вызвало в писательнице чувство любви, и она, несмотря на значительную разницу в годах, согласилась стать его женою. Это было в 1812 году. Она была старше Гизо на четырнадцать лет. Ее связи с представителями партии роялистов открыли Гизо, в то время еще скромному кабинетному труженику, доступ к политической карьере. В это время он напечатал *«Новый словарь французских синонимов»* – прекрасная компиляция – лучшее из всех других сочинений по этому предмету; *«О состоянии искусства во Франции»*; *«Жизнеописания поэтов эпохи Людовика XIV»*. В 1812 году труды Гизо получили щедрую награду: Фонтан назначил Гизо адъюнктом по кафедре истории в Сорбонне.

После падения империи Гизо по рекомендации Ройе-Коллара получил место секретаря при министре внутренних дел, аббате Монтекиу. Его редакции принадлежит закон о печати 21 октября; вслед за тем он был назначен членом цензурного комитета. Вследствие расстроенного здоровья он временно должен был прекратить все свои занятия и предпринял путешествие за границу. Говорят, что он имел свидание с Людовиком XVIII, которому жаловался на происки ультрароялистов. Возвратившись во Францию при реставрации Бурбонов, Гизо был назначен генеральным секретарем Министерства юстиции Барбе-Марбоа, который после неудачной борьбы с белыми отказался от должности 10 мая 1816 года. Выйдя вместе с Барбе из состава министерства, Гизо вскоре, а именно в августе 1816 года, получил место директора генеральной администрации департаментов и общин. Будучи по политическим убеждениям своим конституционным роялистом, он напечатал программу своей партии под заглавием *«О представительном правлении и современном состоянии Франции»* (1816). С того времени и возникла, по инициативе Ройе-Коллара и Гизо, школа доктринеров, которая доказывала возможность совмещения полной свободы со строгим общественным порядком. Школа эта пользовалась огромным влиянием до самого падения конституционной монархии.

Гизо вторично вышел из министерства вместе с Деказом, вследствие дела об убийстве герцога Беррийского; он снова вступил на поприще литературы и профессорской деятельности. В это время им обнародованы следующие политические сочинения: *«О заговорах и политическом правосудии»* (1821 г., 2-е изд.) и *«Способы управления и оппозиции при современном состоянии Франции»* (1821). Благодаря этому последнему сочинению, имевшему политический характер и вызвавшему ожесточенные нападки против министерства Виллеля, Гизо лишился всех занимаемых им должностей; его курс истории был остановлен в 1825 году. Это время самой кипучей литературной деятельности Гизо. Он напечатал *«Историю представительного правления»* (1821–1822); *«О смертной казни в политических делах»* (1822); в этой книге он, не отвергая смертной казни, доказывает крайнюю опасность для правительства слишком часто прибегать к этой ужасной мере; *«Опыт истории Франции»* (1823); *«Собрание мемуаров, относящихся к английской революции»* (26 томов; первый

появился в 1823 году) – перевод с английского под редакцией Гизо; «Собрание мемуаров, относящихся к истории Франции» (31 том, первый – в 1823); «История английской революции» (1827–1828).

В то же время Гизо редактировал «Прогрессивную энциклопедию» и основал в 1828 году журнал «Revue française». Политическая деятельность его в этот период времени выражалась в ревностных трудах по обществу, носившему девиз: «Помоги сам себе, Бог тебе поможет»; целью этого общества было охранение свободы выборов.

1 августа 1827 года умерла первая жена Гизо, столь пламенно любившая своего мужа, что в угоду ему на смертном одре приняла протестантизм. Она также написала несколько выдающихся сочинений о воспитании, морали и несколько детских книжек. Год спустя Гизо вступил во второй брак с Элизою Диллон, племянницей его жены, которая при жизни сама предвидела и подготовила этот брак. Вторая жена Гизо, умершая в 1833 году, также написала несколько сочинений по беллетристике и этике.

Примирительное министерство Маргиньяна вернуло Гизо кафедру в Сорбонне и предоставило ему место в Государственном совете (1828). Это время величайшей популярности Гизо. Вместе с Кузеном и Вильеменом, Гизо составляет тот знаменитый триумvirат, которому Франция обязана громадными успехами в деле просвещения. Профессорской деятельности Гизо мы обязаны появлением в печати самых распространенных исторических сочинений его: «Курс новой истории» (6 томов, 1828–1830); «История цивилизации в Европе» (1845, 5-е изд.) и «История цивилизации во Франции» (1845, 5-е изд.).

В это время он становится оппозиционным депутатом палаты и горячо полемизирует с министерством Полиньяка.

Когда вспыхнула революция 1830 года, Гизо, прибывший в Ним 26 июля, изъявил согласие редактировать протест депутатов, «преданных Его Величеству и Его Августейшей династии». 28 июля он участвовал в доме Лафитта на общем собрании своих единомышленников, организовал «муниципальную комиссию» и был избран министром общественного просвещения. Несколько дней спустя, он произвел ревизию всего Министерства внутренних дел и обновил весь личный состав его. Он участвовал также в пересмотре хартии и потребовал, чтобы возраст избирательной правоспособности был понижен до 25 лет. Будучи членом кабинета Лафитта, Гизо разошелся с ним во взглядах и подал в отставку. 11 октября 1832 года он вместе с Тьером и Брольо организовал новый кабинет, который держался не менее четырех лет. В качестве министра народного просвещения, Гизо как в совете, так и в палате имел большое влияние и содействовал репрессивной политике. С другой стороны, начальное образование во Франции обязано ему своею прочною постановкою.

Министерство 11 октября наконец пало (22 февраля 1836). Гизо после полугодового удаления от дел, снова принял из рук Моле министерский портфель. В то же время, с выходом в отставку Гаспарена, стал вакантным и портфель министра внутренних дел; Гизо и Тьер явились претендентами, причем ясно обнаружилось их соперничество. Гизо уступил, упрямив, однако, портфель министра иностранных дел за своим сотоварищем по школе доктринеров, Брольо. К несчастью, министерство Моле, установившись окончательно 15 апреля 1837 года, исключило из своего состава как Гизо, так и Брольо. Гизо бросился в оппозицию и стал одним из наиболее деятельных противников представителей власти, упрекая их именно за то, что они сами подрывают ее. Он встал в ряды своих вчерашних противников, что вызвало в «Journal des Débats» следующие колкие слова, направленные по его адресу: «Быть может, вы заслужите когда-нибудь наше удивление; но нашего уважения вы не заслужите никогда!» Ройе-Коллар также отвернулся от Гизо, громко протестуя против такой тактики.

15 декабря 1840 года совершилась церемония возвращения останков императора по декрету Тьера. Вскоре, в апреле следующего года, происходят серьезные беспорядки, вызванные выборною агитациею, в Тулузе, в Лиле, в Клермоне. В 1842 году Гизо поручается

организация нового кабинета, который хоть сколько-нибудь умиротворил бы господствующие партии.

Но и этому кабинету не посчастливилось. Внешние и внутренние дела Франции настолько запутались и осложнились, что Гизо не удалось долго удержаться за собою в палате большинство. Падение его было неизбежно. Все органы печати относились к нему очень враждебно; официозные газеты, созданные им, «Globe» и «l'Europe», не могли продержаться, несмотря на щедрую правительственную субсидию. Гизо ожесточился; он стал относиться с полным презрением к оппозиции; он стал гордиться своею популярностью.

Результат не замедлил обнаружиться. Обсуждение ответного адреса на тронную речь, в которой кабинет Гизо упрекал палату за то, что она руководится «слепыми или враждебными страстями», подняло целую бурю. На 22 февраля созывается большой банкет реформистов 12-го округа. Министерство не разрешает его. На улицах Парижа происходит столкновение. Национальная гвардия появляется только для того, чтобы присутствовать при торжестве бунтовщиков и присоединиться к ним. Толпа негодует против Гизо.

23 марта он, наконец, подает в отставку; но поздно: его преемники не могли исправить дело и за падением кабинета Гизо следует падение всей монархии.

В то время как Временное правительство намеревалось возбудить против Гизо и его сотоварищей политический процесс, он удаляется в Англию. Верховный суд объявляет его вне закона. В изгнании Гизо снова берется за перо. Он пишет свою брошюру «*Демократия во Франции*» (1849) и статьи «*Отчего английская революция имела успех?*» (1850), «*Наши разочарования и надежды*» (1852), «*Бельгия в 1857 г.*» и многие другие. Во всех этих брошюрах и статьях содержатся обвинения против республики и оправдания прежнего монархического строя.

Как оратор и как лектор, Гизо всегда производил на аудиторию глубокое впечатление своим пламенным красноречием и в то же время своею авторитетностью. В палате он произносил порою громовые речи, как, например, речь 11 августа 1831 года против «республиканской партии, этой *мертвой головы* всего того, что жило во Франции с 1789 по 1830 год, этого отвратительного чудовища, которое дерзает выставлять напоказ свое безобразие».

Догматичностью и авторитетностью, порою малоубедительными, отличаются и все сочинения Гизо. Как историк, он больше внушает свои взгляды, чем доказывает их. Исторические сочинения его принадлежат, однако, к лучшим произведениям этого замечательно плодовитого писателя. Вышеприведенными заглавиями мы далеко не исчерпали всей массы написанных им исторических книг, брошюр и статей. Их такое множество, что один перечень занял бы несколько страниц. Сочинения Гизо подвергались самой разносторонней критике, которой тем не менее не удалось установить определенный взгляд на них и высказать свой окончательный приговор.

На самом же деле, с точки зрения современной исторической науки, Гизо не историк, но публицист. Ему не достает строгой объективности; всюду проглядывают его предвзятые идеи и принципы, навеянные духом того бурного времени, которое переживала Франция в тридцатых и сороковых годах. Тем не менее ширина взгляда, необыкновенно удачная группировка фактов и умение освещать их придают историческим трудам Гизо глубокий интерес.

Предлежащее сочинение, вместе с его «Историей английской революции», несомненно лучшее из всех исторических сочинений Гизо.

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ

Предмет курса. – История европейской цивилизации. – Роль Франции в цивилизации Европы. – Цивилизация может служить предметом исторического изложения. – Она самый общий факт истории. – Употребительный, общепринятый смысл слова «цивилизация». – Два главных факта образуют цивилизацию: 1) развитие общества; 2) развитие человека. – Доказательства предыдущего положения. – Эти два факта необходимо связаны друг с другом и рано или поздно воспроизводят один другой. – Вполне ли исчерпывается назначение человека его индивидуальной или общественной жизнью? – История цивилизации может быть рассматриваема и описываема с двух точек зрения. – Несколько слов о плане курса. – О настоящем состоянии умов и о будущности цивилизации.

Мм. Гг!

Я искренне тронут вашим сочувствием. Позволю себе заметить, что оно не прерывалось между нами, несмотря на весьма продолжительную разлуку. Я говорю: «оно не прерывалось между нами», словно я вижу пред собою то же поколение, которое семь лет тому назад видел в этой же аудитории. Прошу извинить меня, мм. гг., – ваш благосклонный прием меня смутил. Мне кажется, что с моим возвращением в эту аудиторию должно вернуться все прежнее, без всяких изменений; а между тем все изменилось и сильно изменилось. Семь лет тому назад мы входили сюда с беспокойством, в томительном, печальном ожидании неизвестного будущего; мы знали, что нам предстоят всевозможные затруднения, опасности; мы чувствовали, что устремляемся в бездну, которую тщетно пытались миновать, несмотря на наше спокойствие и нашу осторожность.

Сегодня же все мы, – и вы, и я – собрались сюда исполненные светлых надежд, спокойные сердцем и свободные мыслью. Мы имеем возможность одним только средством достойно выразить нашу признательность, а именно: мы должны внести в наши собрания и занятия такое же спокойствие и такую же умеренность, как в то время, когда нам ежедневно приходилось ждать стеснений или даже совершенного прекращения лекций. Счастье изменчиво, мимолетно, хрупко; надежда, как и опасение, требует осмотрительности; выздоровление от болезни требует почти тех же забот, той же осторожности, как и наступление болезни. Я уверен, что у вас не будет недостатка во всех этих качествах. Те же симпатии, тот же открытый обмен мнений, чувств, идей, соединявший нас в тяжкое время и избавивший нас от многих ошибок, соединит нас и ныне, в благоприятное время; он даст нам возможность с успехом воспользоваться им – я, по крайней мере, в этом глубоко убежден.

Нам остается весьма мало времени до конца года. Я сам имел немного времени для того, чтобы хорошенько подготовить курс, который намереваюсь прочесть вам. Я искал тему, которая более всего соответствовала бы условиям, в которые мы поставлены. Мне показалось, что общая картина новой истории Европы, рассматриваемой в отношении к развитию цивилизации, т. е. общий взгляд на историю европейской цивилизации, на ее происхождение, ход, цель, характер, – мне показалась, что подобная картина может быть с успехом начертана в продолжение того времени, которым мы располагаем. Я остановился на этой теме и думаю, что вы не сочтете мой выбор неудачным.

Я говорю о европейской цивилизации: несомненно, что такая цивилизация существует, т. е. что в цивилизации различных европейских государств обнаруживается некоторое единство; что, несмотря на большие различия во времени и в самом ходе, она обуславливается фактами почти однородными, находится в связи с одними и теми же основными началами и стремится к одним и тем же результатам. Итак, европейская цивилизация существует; исследование ее и составляет предмет наших лекций.

С другой стороны, очевидно, что эту цивилизацию нельзя искать в каком-либо одном европейском государстве, что история ее не может быть изучена из истории какой-либо одной страны. При всем единстве, она бесконечно нюансирует; она никогда не развивалась вполне в одном каком-нибудь государстве. Элементы ее истории следует искать то во Франции, то в Англии, то в Германии, то в Италии и Испании.

Мы находимся в весьма благоприятных условиях для изучения европейской цивилизации. Без лести можно сказать, что Франция была центром, фокусом европейской цивилизации. Несправедливо было бы утверждать, что Франция всегда во всех отношениях шла во главе наций. В иные эпохи она, например, в отношении к искусствам уступала Италии, в отношении политических учреждений – Англии. Может быть, нашлись бы и другие страны Европы, которые в известные периоды стояли в некоторых отношениях выше Франции; однако нельзя не признать, что каждый раз, когда Франция видела себя отставшею на каком-либо поприще, она обретала в себе новую силу, быстро устремлялась вперед и снова становилась в ряд с прочими государствами или даже во главе их. Этого мало: все идеи, все, так сказать, цивилизующие учреждения, родившиеся на другой почве, не раньше распространялись, обобщались, применялись на практике и вообще начинали действовать на пользу всей европейской цивилизации, как после переработки их во Франции; оттуда уже, как из второй своей родины, они овладевали всею Европою. Нет почти ни одной великой идеи, ни одного великого начала цивилизации, которые не прошли бы сначала по французской почве раньше, чем получить повсеместное распространение.

В духе французского народа есть нечто общительное, симпатичное, нечто сообщающееся другим нациям с большою легкостью и энергиею. Язык ли наш, особенность ли нашего ума и нравов тому причиною, но наши идеи популярнее, яснее представляются массам и легче проникают к ним, чем идеи, выработанные в какой бы то ни было другой стране. Словом – ясность мысли и общность идей составляют отличительный характер Франции и ее цивилизации, и эти качества давали ей, преимущественно пред другими государствами, возможность идти во главе европейской цивилизации.

Итак, при изучении истории этой цивилизации, мы не по произволу и не в силу общепринятого обыкновения избираем Францию средоточием нашего анализа; но исключительно в силу того, что мы становимся таким образом как бы в центре самой цивилизации, в центре изучаемого нами факта.

Я умышленно употребляю слово «факт».

Цивилизация есть факт, подобный всякому другому, факт, который наравне со всяким другим может сделаться предметом изучения, описания, рассказа.

Многие не без основания утверждают, что историю следует ограничить фактами и только фактами. Это весьма справедливо; но число и разнообразие фактов гораздо больше, чем может показаться с первого взгляда.

Есть факты материальные, видимые – сражения, войны, официальные действия правительств; есть факты моральные, скрытые, но тем не менее вполне реальные; есть факты индивидуальные, имеющие определенное название; есть факты общие, безымянные, которых нельзя отнести к известному времени, дню, году, которые невозможно заключить в определенные рамки; но тем не менее и они принадлежат к числу исторических фактов; исключение их из истории было бы равносильно ее искажению.

Та часть истории, которую обыкновенно называют философскою, – разумея под этим названием исследование отношений событий между собою, взаимной связи их, причин их и результатов, – тоже состоит из фактов и входит в состав общей истории точно так же, как рассказы о битвах и других внешних происшествиях. Разбирать такого рода факты без сомнения гораздо труднее; они чаще дают повод к ошибкам; их нелегко одушевить, изобра-

зять в ясных, живых формах; но эта трудность несколько не изменяет их природы; они тем не менее составляют существенную часть истории.

Цивилизация есть один из таких фактов – факт всеобщий, скрытый, сложный, нелегко поддающийся описанию и повествованию, но тем не менее существующий, имеющий полное право быть предметом повествования и описания. Можно возбудить множество вопросов по поводу этого факта; можно спросить – и действительно такой вопрос задавался – является ли он добром или злом. Одни приходят от него в отчаяние, другие – в восторг. Можно задать себе вопрос: есть ли это всеобщий факт, существует ли всемирная цивилизация человеческого рода, стремится ли человечество к определенной цели, передают ли народы друг другу из века в век нечто исчезающее, нечто возрастающее, хранимое как драгоценное сокровище, и, таким образом, нечто нетленное, вечное? Что касается меня, то я глубоко убежден, что действительно человечество имеет общее предназначение; что существует передача сокровищ цивилизации из поколения в поколение и, следовательно, существует всеобщая история цивилизации.

Но даже не возбуждая столь серьезных и трудных вопросов, ограничивая себя определенными рамками известного числа веков или известными национальностями, нельзя не убедиться, что и в этих границах цивилизация есть факт, который может быть описан, рассказан, который имеет свою историю. Замечу тут же, что история эта выше всех прочих, что она обнимает собою все другие.

Не ясно ли в самом деле, что факт цивилизации есть факт по преимуществу, факт всеобщий и окончательный, к которому сводятся все другие, в котором они разумеются? Возьмите все факты, из которых составляется история народа и которые обыкновенно принято считать элементами его жизни, – возьмите его учреждения, торговлю, промышленность, его войны, все подробности его управления: что хотите вы раскрыть в этих фактах, рассматривая их в совокупности и взаимной связи, взвешивая и обсуждая их? Вы хотите исследовать, насколько они содействовали цивилизации народа, какую роль они играли в ней, какое принимали в ней участие, какое имели на нее влияние. Этим путем вы не только составляете себе определенное представление о явлениях народной жизни, но и таксируете их, определяете их истинную цену; их можно сравнить с реками, из которых каждая вносит свою долю в океан. Цивилизация – нечто вроде океана, который составляет достояние народа, которым соединяются все элементы, все силы народной жизни. Это настолько справедливо, что даже те факты, которые по существу своему гнусны, пагубны, факты, лежащие тяжким бременем на народах, каковы, например, деспотизм или анархия, – даже такие факты, если они содействовали в чем-нибудь цивилизации, заставили ее сделать значительный шаг вперед, то и они становятся до некоторой степени извинительными: там, где только признают существование цивилизации и фактов, содействовавших ей, невольно забывают цену, которую она куплена.

Есть также факты, которые, строго говоря, нельзя даже назвать общественными, – факты индивидуальные, касающиеся, по-видимому, более человеческого духа, нежели общественной жизни: таковы религиозные верования, философские идеи, наука, литература, искусства. Факты эти, по-видимому, относятся собственно к единичному человеку, предназначены для его усовершенствования, для доставления ему разнообразных наслаждений; цель их с первого взгляда – не столько общественное развитие человека, сколько его внутреннее развитие или его наслаждение. Однако и эти факты рассматриваются и должны быть рассматриваемы с точки зрения цивилизации. Всегда и везде религия принимала большое участие в цивилизации народов; наука, литература, искусства, все умственные и нравственные наслаждения человека также претендовали на такую же роль, и признание ее за ними считалось для них высшею почестью и похвалою. Поэтому, как бы велико и важно ни было известное явление, по одному отношению своему к человеческому духу, независимо от вся-

кого внешнего результата, – значение его еще более возрастает от связи его с цивилизацией. Такова важность этого всемирного факта, что он увеличивает цену всего, что только приходит с ним в соприкосновение. И это еще не все: есть случаи, когда упомянутые нами факты, т. е. религиозные верования, философские идеи, литература, искусства рассматриваются и обсуждаются больше всего на основании их влияния на цивилизацию – влияния, которое до известной степени и в течение известного времени служит решительным мерилom их заслуг и действительного значения.

Но в чем же состоит самый факт, – спросим мы, прежде чем приступим к его истории, – факт столь важный, столь всеобъемлющий и драгоценный, являющийся как бы смыслом, выражением всей жизни народов?

Отвечая на этот вопрос, я воздержусь от отвлеченных философских взглядов; я не буду опираться на какой-нибудь рациональный принцип и не стану выводить из него, как следствие из причины, сущность цивилизации; такой метод мог бы подать много поводов к заблуждениям. Мы встречаемся и здесь с фактом, требующим констатирования и описания.

Уже издавна во многих странах употребляют слово *цивилизация*. Ему придают более или менее определенное, более или менее общее значение; во всяком случае слово это общеупотребительное и понятно для тех, кто употребляет его. Нашему изучению подлежит общее, популярное значение этого слова. В общепринятых терминах почти всегда более истины, чем в самых точных, по виду самых строгих, научных определениях. Общепринятое значение слов вырабатывается здравым смыслом, а здравый смысл есть гений человечества. Это значение слов вырабатывается постепенно, под влиянием фактов; по мере возникновения фактов, подходящих под смысл известного термина, этот последний сам собою, естественным путем, применяется к ним; значение термина распространяется, расширяется – и мало-помалу различные факты, различные идеи, которые по самой сущности своей должны быть соединены между собою, действительно соединяются в одном общем слове. Напротив, если значение слова определено наукою, то определение это, сделанное одним или несколькими лицами, совершается под влиянием какого-либо частного факта, особенно выдающегося. Таким образом, научные определения вообще специальное общеупотребительных, и потому, в сущности, гораздо менее верны. Изучая как факт значение слова *цивилизация*, изыскивая все заключающиеся в нем, по здравому человеческому смыслу, понятия, мы гораздо ближе ознакомимся с самим фактом, нежели давая ему научное определение, хотя с первого взгляда оно и показалось бы нам яснее и точнее.

Для начала предстоящего изыскания я приведу несколько примеров, опишу несколько различных состояний общества; затем мы поставим вопрос: в каком из этих состояний инстинктивно чувствуются признаки успехов общества в ходе цивилизации и обретаются те данные, которые человеческий род обыкновенно соединяет с понятием о *цивилизации*.

Вот народ, внешняя жизнь которого течет покойно, невозмутимо. Он платит мало налогов, он не бедствует; он выработал правильную систему правосудия, словом, материальное существование его вообще может считаться вполне удовлетворительным. Но в то же время умственная и нравственная жизнь этого народа упорно пребывает в состоянии оцепенения, застоя; она – не скажу подавлена, потому что народ не чувствует над собою никакого гнета, – но стеснена со всех сторон. История представляет нам такие примеры. Во многих небольших аристократических республиках с подданными обращались как со стадом, хорошо содержимым и материально обеспеченным, но совершенно чуждым умственной и нравственной деятельности. Будет ли это цивилизация? Цивилизуется ли этот народ?

Вот другой пример. Материальная жизнь народа менее покойна и удобна, хотя и сносна. Зато не оставлены без внимания его нравственные и умственные потребности: им дана некоторая пища; в этом народе заботятся о развитии возвышенных, чистых чувств. Религиозные, нравственные верования его достигли известной степени развития; но в нем

тщательно стараются подавить начала свободы; умственные и нравственные потребности его удовлетворяются подобно тому как в вышеупомянутом нами государстве удовлетворялись потребности материальные: каждому предоставлено пользоваться известною долею истины, но никому не разрешено самостоятельно искать ее. Неподвижность – характерная черта нравственной жизни подобного народа. Таково состояние большей части государств Азии, где теократические правительства задерживают развитие человечества. Таково, например, состояние индусов. Повторяю тот же вопрос: цивилизуется ли этот народ?

Теперь я совершенно изменяю характер примера. Вот народ, у которого чрезвычайно развита свобода нескольких отдельных лиц, но при этом беспорядок и неравенство достигли крайних пределов. Везде преобладание силы и случая; кто слабее, того притесняют, тот бедствует, гибнет; насилие – господствующий характер общественной жизни. Всякий знает, что Европа пережила такое состояние. Это ли цивилизация? Конечно, и здесь заключаются элементы цивилизации, предназначенные к дальнейшему развитию; но состояние, в котором находится такое общество, конечно, не то, которое здравый смысл человека называет цивилизацией.

Перехожу к четвертому и последнему примеру. Личная свобода отдельного человека очень велика; неравенство встречается редко, или по крайней мере скоро исчезает. Каждый творит почти все, что хочет; по общественному значению своему, все более или менее равны; но мало общих интересов и идей, слаба общественная деятельность, словом, способности и живые силы отдельных личностей развиваются и проявляются совершенно разрозненно, без всякого взаимодействия; они не оставляют никаких следов существования; следующие друг за другом поколения в социальном отношении почти не отличаются одно от другого. Это состояние диких племен: тут есть и свобода и равенство, но цивилизации, без всякого сомнения, тут нет никакой.

Я мог бы привести еще много подобных примеров, но полагаю, что и приведенных достаточно для того, чтобы выяснить общеупотребительное значение слова *цивилизация*.

Ясно, что ни одно из вышеприведенных общественных состояний не соответствует этому выражению, как понимает его здравый смысл человека. Почему? Мне кажется, что сущность, заключающаяся в слове *цивилизация* (и это прямо вытекает из приведенных мною примеров), есть прогресс, развитие; термин этот неизбежно связан с представлением о народе, который движется вперед, – и движется для того, чтобы переменить не только место, но и состояние, – о народе, жизнь которого все более и более расширяется и улучшается. Идея прогресса, развития кажется мне основною идеею *цивилизации*.

Но что такое прогресс? Что такое развитие?

На этот вопрос, самый затруднительный из всех, этимология слова *цивилизация* дает, кажется, ясный и удовлетворительный ответ. Она указывает на усовершенствование гражданской жизни¹, на развитие общества в собственном смысле этого слова, развитие людских отношений.

Такова, в самом деле, первая мысль, зарождающаяся в нашем уме при слове *цивилизация*. Мы тотчас же представляем себе расширение, увеличение общественной деятельности и лучшую организацию общественных отношений: с одной стороны, мы видим усиленное развитие элементов, образующих могущество и благосостояние общества, с другой – возможно равномерное распределение их между отдельными лицами.

Все ли это? Вполне ли исчерпали мы естественное, общеупотребительное значение слова «цивилизация»? Не заключает ли оно в себе еще чего-нибудь?

Поставить подобный вопрос – почти то же самое, что спросить себя: род человеческий, в сущности, не похож ли на муравейник, т. е. на общество, вся задача которого состоит в

¹ Civilis – гражданский (лат.).

соблюдении порядка и обеспечении благосостояния, – на общество, цель которого достигается и прогресс увеличивается по мере того как возрастает сумма труда и уравнивается распределение результатов его?

Общечеловеческое, инстинктивное чувство возмущается при столь узком определении назначения человека. Оно усматривает с первого взгляда, что слово *цивилизация* включает в себе нечто высшее, обширнейшее и более сложное, нежели простое усовершенствование общественных отношений, простое увеличение общественной силы и благосостояния.

Исторические факты, общественное мнение, общепринятое значение слова *цивилизация* – все говорит в пользу этого инстинктивного чувства.

Возьмите Рим в цветущие времена Республики, после второй Пунической войны, в момент развития его высших доблестей, когда он стремился к покорению мира, когда общественная жизнь очевидно шла вперед. Потом посмотрите на Рим при Августе, в эпоху, когда начинается его упадок, когда по крайней мере останавливается прогрессивное движение общества, и начинают брать верх вредные начала. Тем не менее никто не подумает и не скажет, что Рим Августа стоял на низшей ступени цивилизации, нежели Рим Фабриция или Цинцинната.

Перенесемся в другую страну, во Францию XVII и XVIII столетий. Очевидно, что в социальном отношении, по сумме благосостояния и по распределению его между отдельными лицами, Франция в XVII и XVIII веках стояла ниже некоторых других стран Европы, например Голландии и Англии. Я убежден, что общественная деятельность в Голландии и Англии была сильнее, росла быстрее, результаты ее распределялись лучше, чем во Франции. Однако обратитесь к здравому смыслу человека – и он вам ответит, что Франция в XVII и XVIII веках стояла на самой высокой ступени цивилизации среди остальных стран Европы. Европа не колебалась в решении этого вопроса. Следы ее мнения о Франции можно найти во всех памятниках европейской литературы.

Можно указать еще много государств, где благосостояние растет быстрее и лучше распределяется между гражданами и где между тем цивилизация – по приговору здравого смысла и врожденного человеку инстинкта – находится на низшей степени развития, нежели в других государствах, не столь удовлетворительно устроенных собственно в социальном отношении.

Что же это означает? Откуда заимствуют эти государства те преимущества, которыми так щедро вознаграждаются, по общепризнанному мнению, все прочие недостатки их общественного устройства?

Здесь блестяще заявляет себя иного рода развитие, отличающееся от развития общественной жизни, развитие жизни индивидуальной, внутренней, развитие самого человека, его способностей, чувств, идей. Если общество и представляет несовершенства в других отношениях, то в смысле общечеловеческом оно является в большем величии и могуществе. Ему остается еще сделать много социальных завоеваний, но оно сделало огромные умственные и нравственные приобретения; множество граждан лишено еще различных прав и жизненных благ, но зато оно может гордиться многими великими людьми, слова которых озаряют весь мир. Литература, наука, искусства процветают. Везде, где род человеческий видит процветание этих величественных, славных проявлений человеческой природы, везде, где он видит созидание этой сокровищницы возвышенных наслаждений, – он узнает и признает цивилизацию.

Таким образом, в цивилизации заключаются два главных факта, она существует при двух условиях и характеризуется двумя признаками: развитием общественной деятельности и развитием деятельности личной, – прогрессом общества и прогрессом человека. Повсюду, где внешняя жизнь человека становится более широкою, где она оживляется, улучшается, где духовная природа его проявляется во всем блеске и величии, – повсюду на основании

этих признаков, и часто даже несмотря на значительное несовершенство общественного быта, человеческий род провозглашает цивилизацию и превозносит ее.

К таким результатам, если я не ошибаюсь, приводит общепринятое мнение о цивилизации. Если мы обратимся собственно к истории, если вникнем в сущность великих кризисов цивилизации, к анализу фактов, от которых, как признано всеми, зависело ее поступательное движение, то мы и там неизбежно встретимся с обоими вышеуказанными элементами цивилизации.

Везде мы увидим кризисы или индивидуального, или общественного развития, явления, которые изменяли или внутреннюю природу человека, его верования, нравы, или его внешнюю жизнь, отношения его к другим людям. Христианство, например, – я говорю не только о времени его появления, но вообще о первых веках его, – христианство не заявило никаких непосредственных притязаний на общественное устройство того времени; оно громко возвестило, что не коснется его и приказало рабу повиноваться своему господину; оно не восстало против главнейших зол, против вопиющих несправедливостей современного общества; но кто тем не менее будет отрицать, что христианство и тогда уже вызвало великий кризис в истории цивилизации? Почему? Потому что оно изменило внутреннюю природу человека, его верования, чувства, потому что оно переродило, обновило человека в нравственном и умственном отношении.

Мы видели кризис другого рода, изменивший и преобразовавший общество, – кризис, относившийся не к внутренней жизни человека, а к его общественному устройству. И это был, бесспорно, один из решительнейших кризисов в истории цивилизации. Просмотрите всю историю – вы всюду найдете тот же результат; вы не встретите ни одного важного факта, содействовавшего развитию цивилизации, который не имел бы влияния на одну из упомянутых мною сфер человеческой деятельности.

Таково, если не ошибаюсь, естественное и общеупотребительное значение слова *цивилизация*; таков факт – не скажу окончательно определенный – но описанный, приведенный в ясность почти вполне или, по крайней мере, в главных чертах своих. Пред нами теперь оба элемента цивилизации. Но достаточно ли для ее существования одного из двух элементов? Если бы мы где-нибудь увидели развитие одного только общества или, наоборот, одной только индивидуальной личности, то могло ли бы подобное развитие назваться цивилизацией? Нашел ли бы ее там здравый человеческий смысл? Или, быть может, оба эти факта состоят в такой тесной и необходимой связи между собою, что, даже появляясь не одновременно, они не могут быть отделены друг от друга, и рано или поздно один из них повлечет за собою другой?

Вопрос этот можно, как мне кажется, рассматривать с трех сторон. Можно исследовать самую сущность элементов цивилизации и допытываться, тесно ли они связаны между собою и необходимы ли они друг для друга. Можно разыскать исторически, проявлялись ли они отдельно друг от друга или же всегда были результатом один другого. Можно, наконец, прислушаться по поводу этого вопроса к общему мнению людей, к их здравому смыслу. Я обращусь прежде всего к общественному мнению. Когда совершается важная перемена в состоянии какой-нибудь страны, когда в ней происходит значительное развитие богатства и силы или переворот к распределению общественного благосостояния, то эти новые явления встречают себе противников, выдерживают с ними борьбу, – да иначе и быть не может. Но что же вообще говорят противники перемены? Они говорят, что этот прогресс общественного быта не улучшает, не обновляет в то же время нравственного состояния, внутренней жизни человека; что это ложный, обманчивый прогресс, который ведет к ниспровержению нравственности, истинного достоинства и нормального состояния человека. Приверженцы общественного преобразования с чрезвычайною энергиею отражают это нападение; они утверждают, наоборот, что прогресс общества необходимо влечет за собою прогресс нрав-

ственности, что чем лучше слагается внешняя жизнь, тем более исправляется и очищается внутренняя жизнь. Так ставится вопрос между противниками и приверженцами нового порядка вещей.

Сделайте обратное предположение; представьте себе, что прогресс в одном нравственном развитии. Что обещают вообще люди, стоящие во главе его? Что обещали в первые времена существования обществ духовные владыки, мудрецы, поэты, стремившиеся к смягчению и исправлению нравов? Они обещали улучшение общественного быта, более справедливое распределение благосостояния. Что же доказывают эти споры и обещания? Они доказывают, что по врожденному, инстинктивному верованию людей, оба элемента цивилизации – развитие общества и развитие личности – тесно связаны между собою, что при виде одного человечество непременно рассчитывает и на другое. К этому именно верованию обращаются все те, которые для защиты или опровержения того или другого развития признают или отрицают соединение их. Уверив людей, что улучшение общественного быта совершается в ущерб внутреннему прогрессу человека, можно отвратить или ослабить переворот, совершающийся в обществе. С другой стороны, обещая людям улучшение общества как последствие улучшения отдельных лиц, можно с полною уверенностью рассчитывать на врожденную склонность людей верить такому обещанию и пользоваться ею. Итак, очевидно, что в человеке есть инстинктивное верование в тесную связь обоих элементов цивилизации и во взаимное происхождение их друг от друга.

Если мы обратимся к всемирной истории, то получим тот же самый ответ. Мы найдем, что развитие внутренней природы человека служило вместе с тем на пользу обществу, и наоборот, всякое значительное развитие общественного быта – на пользу человека. Конечно, всегда преобладает одно развитие над другим, проявляется с большим блеском и сообщает прогрессу свой особый характер. Другой фактор развивается иногда по прошествии долгого времени, после тысячи видоизменений, тысячи препятствий, и служит как бы дополнением цивилизации, обусловленной первым фактором. Но вглядываясь глубже, нельзя не заметить связи, соединяющей их. Пути провидения не ограничены тесными пределами; оно не имеет надобности извлекать сегодня же вывод из постановленного вчера принципа; оно извлекает его по прошествии веков, в свое время; медленность (с нашей точки зрения) нисколько не уменьшает верности его рассуждений. Провидение распоряжается временем по своему усмотрению; оно движется в нем подобно тому как боги Гомера двигались в пространстве: один шаг – и протекли целые века. Сколько прошло времени, сколько совершилось событий, прежде чем нравственное обновление человека христианством оказало свое великое и закономерное влияние на преобразование общественного быта! Но все же влияние это проявилось – кто мог бы в настоящее время не признавать этого?

Переходя от истории к самой сущности обоих факторов цивилизации, мы опять неизбежно придем к тому же результату. Нет человека, который не испытал бы этого на самом себе. Когда в человеке происходит нравственный переворот, когда в нем развивается новая идея, новая добродетель, новая способность – словом, когда он развивается лично, – какая потребность пробуждается в нем прежде всего? Потребность проявить свои чувства во внешнем мире, осуществить свою мысль вне себя. Едва только человек, по своему собственному убеждению, приобрел новую способность, новую силу, как в нем немедленно пробуждается идея долга: инстинктивное чувство, внутренний голос обязывает, побуждает его распространить перемену, улучшение, совершившееся в нем, сделать их господствующими вне его самого. Такова причина появления великих реформаторов. Великие люди, обновившие сначала самих себя, а потом изменившие строй целого мира, были побуждаемы и руководимы не чем другим, как именно эту непреодолимую потребность.

Таковы последствия перемены, совершающейся во внутренней природе человека; обратимся к другому случаю. В обществе совершился переворот. Оно устроилось лучше

прежнего, права и богатства распределены справедливее между отдельными лицами; другими словами, зрелище, представляемое внешним миром, стало привлекательнее и прекраснее; отношения правительства к подданным и последних между собою улучшились. Неужели вы думаете, что это зрелище, это улучшение внешних фактов не подействует на внутренний мир человека, на человеческую природу? Все, что говорится о силе примера, привычки, об образцах, достойных подражания, – все это основано единственно на том убеждении, что внешний факт, полезный, разумный, стройный, рано или поздно повлечет за собою более или менее сходный внутренний факт того же качества и достоинства; что внешний быт, сложившийся лучше и справедливее, делает и самого человека более склонным к справедливости; что внутренний мир преобразовывается миром внешним, и наоборот; что оба элемента цивилизации тесно связаны друг с другом; что хотя бы их разделяли целые века и всевозможные преграды, хотя бы соединение их требовало бесчисленных видоизменений, но рано или поздно они непременно соединятся в каждом из них между собою; это естественный закон, это общий факт истории, это инстинктивное верование человеческого рода.

Я полагаю, что, далеко не исчерпав всего содержания понятия о цивилизации, я, однако, представил его вам в главных, хотя и общих чертах; я описал его, определил его границы, поставил главные, основные вопросы, связанные с ним. Можно было бы остановиться на этом; но я не могу оставить не затронутым еще один весьма существенный вопрос. Он не принадлежит к числу исторических вопросов в собственном смысле этого слова, он может быть назван скорее вопросом телеологическим. Вопросы, подобные ему, не вполне доступны нам, но они тем не менее неизбежно обращают на себя внимание человека, потому что представляются ему ежеминутно, даже против его воли. Из двух факторов цивилизации – развитие общества, с одной стороны, и человека – с другой, которое составляет цель и которое – средство? Для одного ли усовершенствования общественного своего быта, улучшения своего земного существования развивается весь человек, все его способности, чувства, идеи, все существо его? Или же улучшение общественного быта, прогресс общества, самое общество есть только поприще развития человеческой личности, повод, двигатель этого развития? Словом, существует ли общество для человека или человек для общества? От ответа на этот вопрос неизбежно зависит разрешение другого: ограничивается ли назначение человека его общественною жизнью, исчерпывает ли, поглощает ли общество всего человека, или же он носит в себе самом нечто высшее его земного существования?

Человек, дружбою которого я горжусь, который из собраний, подобных нашему, перешел и занял первое место в собраниях, менее спокойных, но более важных, – человек, каждое слово которого врезывается и навсегда остается запечатленным там, где оно раздалось – г. Ройе-Коллар разрешил этот вопрос, по крайней мере по своему убеждению, в речи своей по поводу проекта предполагавшегося закона о святотатстве. В этой речи я нахожу следующие два выражения: «Общества рождаются, живут и умирают на земле; этим они выполняют все свое назначение... Но они не поглощают собою всего человека. Вступив в общество, он сохраняет благороднейшую часть самого себя, свои высшие способности, которыми он возносится до Бога, до будущей жизни, до неведомых благ незримого мира... Мы, отдельные и подобные друг другу личности, мы, существа, одаренные бессмертием, имеем иное назначение, нежели государства». Я ничего не прибавлю к этому. Я не буду разбирать самого вопроса и ограничусь тем, что поставил его. Мы встретимся с ним в конце истории цивилизации; когда история эта вполне исчерпана, когда все сказано о настоящей жизни, человеку невольно и неотразимо представляется вопрос: точно ли все исчерпано, все окончено? В этом, следовательно, заключается последняя задача, и самая высокая из всех тех, к которым может привести история цивилизации. Я довольствуюсь тем, что указал ее место и значение.

После всего сказанного мною очевидно, что историю цивилизации можно изучать с двух сторон, почерпать из двух источников, рассматривать с двух различных точек зрения.

Историк может обратиться к человеческому духу, каким он представляется в продолжение известного промежутка времени, целого ряда столетий или у какого-нибудь народа; он может изучить, описать, передать все явления, видоизменения, перевороты, совершившиеся во внутреннем мире человека, – и, окончив такой труд, он получит историю цивилизации избранного им народа или периода. Он может пойти и другим путем: не вступая во внутренний мир человека, он может встать в центре мировой арены, не описывая изменения идей и чувствований отдельных существ, он может излагать внешние факты, события, общественные перевороты. Эти два отдела, эти две истории цивилизации тесно связаны между собою; они служат отражением, изображением друг друга. Однако они могут и даже должны быть разделены, по крайней мере сначала, для того, чтобы каждый из них мог быть подвергнут подробной разработке. Что касается меня, то я не предполагаю излагать историю европейской цивилизации в отношении ее к внутреннему миру человека; я займусь историей внешних событий, видимого, общественного быта. Я ограничиваю себя, стесняю предмет свой более узкими пределами: я имею в виду изучение лишь общественного быта в прогрессивном развитии.

Мы начнем с исследования всех элементов европейской цивилизации в ее колыбели, начиная с падения Римской империи, и тщательно изучим общество в том виде, в каком мы застаем его среди этих славных развалин. Мы постараемся если не воскресить, то восстановить эти элементы, сопоставить их и, достигнув этого, попытаемся проследить их развитие в течение пятнадцати веков, протекших с того времени. Я думаю, что с первых же шагов нашего исследования, мы убедимся в том, что цивилизация человечества еще очень молода, что она еще не совершила большей части своего пути. Мысль человека в настоящую минуту, без сомнения, еще не то, чем она может сделаться впоследствии; мы обнимаем еще далеко не всю будущность человеческого рода; пусть всякий из нас углубится в свои мысли, пусть спросит себя о возможном благе, которое он представляет себе и на которое надеется, и пусть сравнит потом свою мечту с окружающею его действительностью: он убедится, что общество и цивилизация еще очень юны, что, несмотря на весь пройденный путь, им предстоит еще путь несравненно больший. Но это нисколько не уменьшает удовольствия, которое доставляет нам настоящее. Когда я приведу пред вашими глазами великие кризисы истории европейской цивилизации, совершившиеся в продолжение пятнадцати веков, вы увидите, до какой степени положение человека до нашего времени было тягостно, необеспечено, сурово, и не только во внешней жизни, в обществе, но и во внутреннем мире, в духовной жизни. В течение пятнадцати веков ум человеческий страдал столько же, сколько и род человеческий. Вы увидите, что лишь в новейшее время ум человеческий, может быть, еще впервые достигнул состояния, хотя далеко несовершенного, в котором царит некоторое спокойствие, некоторая гармония. То же самое и в обществе: оно очевидно сделало огромные успехи; положение человека, в сравнении с прежним, спокойно и удовлетворяет требованиям справедливости. Вспоминая о наших предках, мы можем применить к себе стихи Лукреция:

*Suave, mari magno, turbantibus aequora ventis,
Ex terra magnum alterius spectare laborem².*

Мы даже можем без гордости сказать о себе то, что говорит Соснел у Гомера:
Возблагодарим небо за то, что мы гораздо лучше наших предков.

Будем, однако, осторожны. Не следует слишком увлекаться сознанием своего счастья и превосходства, иначе нам грозят две большие опасности: гордость и леность. Мы можем сде-

² Приятно, когда ветер вздымает морские волны, с твердой земли смотреть на великую работу.

латься слишком доверчивыми к могуществу и успехам человеческого разума, к той степени просвещения, которой мы достигли, и, наслаждаясь своим настоящим положением, утратить способность к дальнейшей деятельности. Я не знаю, поражает ли это вас так же сильно, как меня; но мне кажется, что мы постоянно колеблемся между двумя противоположностями: нас огорчают мелочи, а с другой стороны, мы мелочами же удовлетворяемся. В желаниях наших, в мыслях, в воображении мы до крайности впечатлительны, требовательны и безгранично честолюбивы; но когда дело доходит до действительной жизни, когда для достижения цели необходимы жертвы и усилия, мы устаем и опускаем руки. Мы упадаем духом почти так же легко, как нетерпеливо желаем чего-нибудь. Остережемся же от того и другого. Привыкнем соразмерять наши желания с тем, что нам могут дать наши силы, знания, наши средства, и будем домогаться лишь того, что может быть приобретено законно, справедливо, правильно, с уважением тех основ, на которые опирается самая цивилизация. Иногда мы, кажется, готовы снова возвратиться к началам варварской Европы: к грубой силе, наглости, обману, столь обыкновенным явлениям четыре – пять веков тому назад. Но даже и уступив этому искушению, мы не находим в себе ни упорства, ни дикой энергии людей того времени, которые много страдали и, недовольные своим положением, постоянно стремились выйти из него. Мы довольны своим положением, не будем же рисковать им ради смутных желаний, время осуществления которых еще не настало. Нам много дано, с нас много и спросится; мы должны будем отдать потомству строгий отчет в своей деятельности; общество и правительство – теперь одинаково подлежат исследованию, отчету, ответственности. Станем же твердо и неуклонно держаться начал нашей цивилизации: правосудия, законности, гласности, свободы, никогда не забывая, что если мы справедливо требуем, чтобы ничего не было скрыто от нас, то сами находимся на виду всего света, который и нас в свою очередь подвергнет допросу и суду.

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ

Исключительность древней цивилизации. – Разнообразие современной цивилизации. – Ее превосходство над древнею. – Состояние Европы в эпоху падения Римской империи. – Преобладание городов. – Попытка политической реформы, произведенная императорами. – Рескрипт Гонория и Феодосия II. – Могущество империи. – Христианская церковь. – Различные стадии, пройденные ею в V веке. – Духовенство, занимающее муниципальные должности. – Хорошее и дурное влияние церкви. – Варвары. – Внесение ими в мир чувства личной независимости и преданности человека человеку. – Обзор элементов цивилизации в начале V века.

В предыдущей лекции я старался объяснить факт цивилизации вообще, не касаясь никакой цивилизации в отдельности, не обращая внимания на обстоятельства времени и места, рассматривая факт в нем самом, с точки зрения чисто философской. Теперь мы займемся собственно европейскою цивилизациею; но мне хотелось бы прежде всего показать вам в общих чертах ее особенности; мне хотелось бы представить ее так ясно, чтобы она явилась вполне отличною от всех других цивилизаций в мире. Попытаюсь исполнить это желание, ограничиваясь по необходимости общими положениями. Мне бы следовало обрисовать пред вами европейское общество с такою точностью, чтобы вы тотчас могли узнать его, словно по портрету; но я не смею надеяться достигнуть этой цели.

Вдумываясь в цивилизации, предшествовавшие европейской, – в Азии ли, или в других странах, не исключая даже Греции и Рима, – нельзя не обратить внимания на господствовавшее единство. Все они словно вытекают из одного известного начала, из одной идеи; словно все общество находилось во власти одного принципа, преобладавшего в нем, определившего его учреждения, нравы, верования, словом, все стороны его развития. В Египте, например, целым обществом владел принцип теократический; он проявляется в нравах, в памятниках, во всем, что осталось от египетской цивилизации. В Индии то же самое – почти исключительное господство теократического принципа. У других народов встречается иная организация – господство касты завоевателей; принцип силы исключительно властвует над обществом, предписывает ему законы, сообщает ему свой характер. Есть общества, служащие выражением демократического принципа, например, большая часть торговых республик, такие как Иония, Финикия и др. Одним словом, древние цивилизации носят на себе замечательный отпечаток исключительности в учреждениях, нравах, идеях; всем управляет и все решает какая-нибудь одна, если не единственная, то по крайней мере безусловно преобладающая сила.

Такое единство принципа и формы не всегда, однако, преобладало в цивилизации древних государств. Восходя к более отдаленным временам их истории, мы часто находим соперничество тех различных сил, которые могут развиваться в недрах общества. У египтян, этрусков, даже у греков каста воинов, например, боролась с кастою жрецов, у других народов – дух клана³ с духом свободных общин, аристократическая система с демократическою и проч. Но подобная борьба обыкновенно происходила в доисторические эпохи, история же в собственном смысле слова сохранила о ней только смутное воспоминание. Иногда подобная борьба возникала и в позднейшие времена, но почти всегда быстро прекращалась. Одна из сил, боровшихся за власть, побеждала и нераздельно овладевала обществом. Война постоянно оканчивалась, если не исключительным, то по крайней мере преобладающим господством какого-нибудь известного начала. В истории древних народов одновременное суще-

³ Клан – род, происходящий от одного родоначальника и сильно разросшийся.

ствование и соперничество различных начал было не более как скоропроходящим кризисом, случайным явлением – отсюда поразительная простота в большей части древних цивилизаций. Простота общественного начала иногда имела следствием необыкновенно быстрое развитие, как, например, в Греции. Ни один народ не развивался так блистательно и в столь короткое время. Но после этого изумительного успеха, Греция вдруг является изнуренною и, хотя падение ее было медленнее, нежели возвышение, тем не менее оно совершилось с необыкновенною быстротою. Творческая сила в началах греческой цивилизации словно иссякла, а взамен ее не явилось никакого другого освежающего начала.

В Египте и в Индии единство цивилизации имело совершенно противоположный результат. Общество впало в состояние застоя. Простота обратилась в однообразие; государство не разрушилось, общество продолжало свое существование, но оставалось неподвижным и словно застыло. К той же самой причине должно отнести тиранический характер, проявляющийся в самых разнообразных формах во всех древних цивилизациях. Общество находилось во власти одной исключительной силы, недопускавшей господства иной. Всякое чуждое ей стремление подвергалось преследованию. Господствующий принцип никогда не допускал проявления и действия рядом с собою какого-либо другого начала.

Это единство цивилизации отразилось и в литературе, в произведениях ума. Кто не просматривал памятников индийской литературы, с недавнего времени распространившихся в Европе? Нельзя не признать, что все они носят один и тот же характер. Они представляют как бы результат одного и того же факта, выражение одной и той же идеи; религиозные и нравственные сочинения, исторические предания, драматическая поэзия, эпоса – все носит на себе один и тот же отпечаток; произведения разума отличаются тем же однообразием, которое заметно в событиях и учреждениях. Даже в Греции, среди всех богатств человеческого разума, господствует редкое единство в литературе и в искусствах.

Совершенно иначе развивалась цивилизация современной Европы. Оставляя в стороне все подробности, взгляните в нее, припомните все, что вы знаете о ней, – она тотчас же явится перед вами многообразною, запутанною, бурною; в ней одновременно существуют все формы, все начала общественной организации: духовная и светская власть, элементы теократический, монархический, аристократический, демократический; все классы, все состояния общества смешаны и перепутаны; всюду представляются бесконечно разнообразные степени свободы, богатства, влияния. И все эти силы находятся в состоянии постоянной борьбы, причем ни одна из них не получает решительного преобладания над прочими, не овладевает безусловно обществом. В древности каждая великая эпоха словно отливала все общества в одну и ту же форму; преобладание принадлежало то монархии, то теократии или демократии, – но господство каждой из этих форм было всегда исключительным, безусловным. Современная Европа представляет образцы всех систем, всех попыток общественной организации: абсолютные и смешанные монархии, теократии, республики, более или менее аристократические, существуют в ней одновременно, друг подле друга, и несмотря на все различие их, они все-таки представляют много общего, в них нельзя не признать чего-то родственного.

В мире идейном и нравственном то же разнообразие, та же борьба. Теократические, монархические, аристократические, демократические убеждения сталкиваются, борются, ограничивают, видоизменяют друг друга. Раскройте самые смелые средневековые сочинения: никогда идея не доведена в них до своих последних результатов. Защитники абсолютной власти внезапно, сами того не замечая, отступают пред следствиями, вытекающими из их учения; они, очевидно, стеснены идеями, влияниями, которые останавливают их и не позволяют им дойти до крайних пределов. Демократы подвергаются действию того же самого закона. Нигде мы не видим той непоколебимой отваги, той слепой логики, которые поражают нас в древних цивилизациях. В чувствах те же противоположности, то же разнообра-

зие: весьма энергическое стремление к независимости рядом с склонностью к подчинению; глубокая преданность одного человека другому, и в то же время безудержная потребность исполнять свою волю, отбросить всякие стеснения, жить одному, не заботясь о других. В оущениях, словом, такие же колебания, как и в самом обществе.

Те же отличительные свойства встречаем мы и в новейшей литературе. Нельзя не сознаться, что с точки зрения формы и художественности произведения ее во многом уступают древним: но в описании мыслей и чувств они стоят неизмеримо выше. Душа человеческая является в них исследованною и многостороннее и глубже. Отсюда и само несовершенство формы. Чем сильнее, многочисленнее материалы, тем труднее привести их к простой, ясной форме; а в таковой, собственно, и заключаются красота, художественность. При разнообразии идей и чувств европейской цивилизации, гораздо труднее достигнуть такой простоты и ясности, какие представляют античные произведения.

Следовательно, куда бы мы ни обратились, всюду обнаруживается господствующий характер современной цивилизации. Он, без сомнения, имеет тот недостаток, что развитие всех проявлений человеческого ума, порознь взятых, уступает соответствующей стороне развития в древних цивилизациях; но зато рассматриваемая в общем европейская цивилизация является несравненно выше всякой другой. Она существует уже пятнадцать столетий и постоянно прогрессирует; она подвигалась вперед далеко не так быстро, как греческая цивилизация, но зато прогресс ее никогда не прекращался. Она видит пред собою бесконечную арену и, со дня на день, стремится вперед все быстрее и быстрее, потому что свобода все более и более расчищает ей дорогу; тогда как в других цивилизациях исключительное господство или по крайней мере чрезмерное преобладание одного начала, одной формы всегда порождало тиранию; в современной Европе разнообразие элементов общественного устройства и невозможность их взаимного уничтожения были причиною той свободы, которая достигнута в настоящее время. Различные начала, не имея возможности уничтожить одно другое, принуждены были волей-неволей существовать совместно и примирились путем компромиссов. Каждое из них ограничилось тою ролью в ходе развития, которая приходилась ему по праву; повторяем: тогда как в других странах господство одного начала порождало тиранию, в Европе результатом разнообразия и постоянной борьбы элементов цивилизации явилась свобода.

В этом состоит истинное, неизмеримое превосходство. Если мы пойдем еще далее, и, игнорируя внешние факты, обратимся к самой сущности дела, то должны будем сознаться, что такое превосходство вполне естественно и законно, что его санкционирует разум, что оно вытекает из фактов. Забыв на время европейскую цивилизацию, взглянем вообще на мир, на общий ход явлений, совершающихся на земном шаре. В чем их особенность? Как они совершаются? Они совершаются именно среди бесконечного разнообразия воздействий, среди вечной борьбы, подобную которой мы замечаем в европейской цивилизации. Никакое исключительное начало, никакая особая организация, никакая идея, никакая частная сила, очевидно, не владеет миром, не организовала его раз навсегда по известному шаблону, не изгнала из него все другие стремления, не завоевала себе исключительного господства в нем. Различные силы, начала, системы смешиваются, ограничивают друг друга, находятся в непрерывной борьбе, то возвышаясь, то упадая, но никогда не оставаясь вполне победителями или побежденными. В этом именно бесконечном разнообразии форм, идей, начал, в их соперничестве, в их стремлении к известному единству, к идеалу, который никогда, может быть, не будет достигнут, но к которому путем труда и свободы вечно будет стремиться человеческий род – в этом именно и состоит мировой процесс. Следовательно, европейская цивилизация есть точное изображение этого процесса; в ней точно так же нет ни односторонности, ни исключительности, ни застоя. Впервые, кажется, цивилизация явилась чуждою всякой исключительности, впервые развилась она столь же пышно, разнообразно

и деятельно, как сама Вселенная. Европейская цивилизация приближается, если можно так выразиться, к вечной истине, к предначертаниям провидения. В этом заключается ее неизмеримое превосходство над всеми другими цивилизациями. Весьма желательно, чтобы во все продолжение этого курса вы постоянно имели в виду этот основной, отличительный характер европейской цивилизации. Пока я только указываю на него; доказательства будут представлены в ходе дальнейшего изложения, положения мои, однако, значительно подтвердятся уже тем, что мы в самой колыбели европейской цивилизации найдем причины и зародыши тех свойств, которые я приписал ей, что мы в самый момент ее возникновения, именно в момент падения западной Римской империи, найдем в состоянии мира, во всех явлениях, содействовавших образованию европейской цивилизации, исходную точку того бурного, но плодотворного разнообразия, которым она отличается. Я приступаю к этому исследованию. Я рассмотрю состояние Европы в эпоху падения Римской империи и постараюсь найти в учреждениях, верованиях, чувствах, идеях те элементы, которые древний мир завещал новому. Если мы уже в этих элементах заметим отпечаток вышеописанного характера европейской цивилизации, то он тотчас же приобретет в ваших глазах значительную степень достоверности.

Прежде всего необходимо ясно представить себе, что такое была Римская империя и как она образовалась. Рим в начале своего существования был не что иное, как муниципия, община. Образ правления его был совокупностью тех учреждений, которые свойственны народонаселению, заключенному в стенах города, – учреждений муниципальных; таков их отличительный признак. Замечание это относится не только к Риму. Повсюду, в тогдашней Италии, мы не видим ничего другого, кроме городов. Название народов принадлежало тогда союзам этих городов. Латинский народ был союзом латинских городов; в том же состоянии пребывали этруски, самнитяне, сабиняне, народы Великой Греции.

В то время совсем не существовало деревень в том виде, в каком они существуют ныне. Земли, находившиеся вне городов, обрабатывались, потому что этого требовала необходимость, но они не были заселены. Владельцами полей были городские жители. Они на время оставляли город для наблюдения за полями, содержали там часто некоторое количество рабов; но деревень, в том смысле, как мы их понимаем, т. е. разбросанного по территории населения, живущего то отдельно, то обществами, в Древней Италии почти совсем не существовало.

Что сделал Рим, когда владения его расширились? Проследите его историю и вы увидите, что он завоевывал или основывал города; с городами он боролся, с городами заключал договоры, города колонизировал. История завоеваний Рима есть история завоевания и основания огромного числа городов. На востоке распространение римского владычества не вполне отличается этим характером; народонаселение распределено было там не так, как на западе. Подчиненное другим общественным условиям, оно было гораздо менее сосредоточено в городах. Но мы имеем дело только с европейским населением, и восток представляет для нас мало интересного.

Ограничиваясь западом, мы всюду встречаем указанный мною факт. В Галлии, в Испании мы не видим ничего кроме городов; за стенами их территория покрыта болотами, лесами. Всмотритесь в характер римских памятников, римских дорог. Вы замечаете большие дороги, соединяющие один город с другим; но нет того множества мелких путей сообщения, которые в настоящее время пересекают территорию во всех направлениях. Нет ничего похожего на это бесчисленное количество небольших памятников, селений, замков, церквей, раскинувшихся по всей поверхности европейской территории, начиная с Средних веков. Рим завещал нам только грандиозные памятники как результаты муниципального устройства, предназначенные для многочисленного населения, столпившегося на одном пункте. С какой

бы точки зрения мы ни рассматривали римский мир, мы найдем в нем почти исключительное преобладание городов и отсутствие иных поселений.

Этот муниципальный характер римского мира очевидно служил сильным затруднением при установлении и поддержании единства, общественной связи между отдельными частями огромного государства. Муниципия, подобная Риму, могла покорить мир, но с трудом могла устроить его и управлять им. Вот отчего, когда все, по-видимому, было уже окончено, когда весь запад и большая часть востока подпали под римское владычество, все несметное количество городов, – этих небольших государств, созданных для отдельной, самостоятельной жизни, – разъединяются, отрываются друг от друга и расползаются, так сказать, во все стороны. В этом заключалась одна из причин, по которым сделалась необходимою империя, как форма правления более сосредоточенная, более способная поддерживать связь между столь шаткими элементами. Империя пыталась внести единство и связь в это разъединенное общество и до некоторой степени успела в том. В период от Августа до Диоклециана, одновременно с развитием гражданского законодательства, установилась и та обширная система административного деспотизма, которая покрыла римский мир сетью чиновников, иерархически подчиненных друг другу, тесно связанных как между собою, так и цезарским двором, и предназначенных исключительно для осуществления предначертаний верховной власти и для сообщения верховной власти сведений о силах и материальных средствах общества. Этой системе не только удалось соединить и удержать во взаимной связи элементы римского мира, но благодаря ей и самая идея центральной власти с замечательною легкостью проникла в умы. Нельзя без удивленья видеть, как в этом слабо соединенном сборище небольших республик, в этом союзе муниципий, быстро распространяется уважение к императорскому величеству, единому августейшему, священному. Потребность установить некоторую связь между отдельными частями империи была, без сомнения, весьма настоятельна, если система полной централизации привилась с таким успехом. Посредством этой административной организации и соединенной с нею военной системы Римская империя сопротивлялась и внутреннему распадению своему и вторжению варваров. Она боролась долго, находясь непрерывно в состоянии упадка, но не переставая защищаться. Настало, наконец, время, когда распадение одержало верх. Как цезаризм, так и рабство оказались одинаково бессильными поддержать это громадное разрушающееся тело.

В IV веке во всех частях его заметно разъединение, раздробление; варвары вторгаются со всех сторон. Провинции не сопротивляются им: они уже не заботятся об общей участи государства. Тогда в уме некоторых императоров родилась странная мысль. Они захотели испытать, не окажется ли свободная конфедерация – система правления подобная той, которую мы теперь называем представительной, – не окажется ли система свободной конфедерации более действительною для поддержания единства империи, нежели деспотический режим. Вот рескрипт Гонория и Феодосия Младшего, посланный в 418 году префекту Галлии с целью установить на юге этой провинции род представительного правления и тем поддержать единство империи:

Гонорий и Феодосий, августы, Агриколе, префекту обоих Галлий.

На весьма полезное представление, сделанное нам тобою в числе других уведомлений, очевидно клонящихся к пользе государства, мы определили – и да будет это всегда иметь силу закона – сделать следующие распоряжения, которым имеют повиноваться жители наших семи провинций⁴, и которые по свойству своему таковы, какими могли бы желать и просить их сами жители. Так как ради требований общественной

⁴ Вьена, первая Аквитания, вторая Аквитания, Новемпопулания, первая Нарбонна, вторая Нарбонна и провинция приморских Альп.

или частной пользы, не только от каждой из провинции, но и от каждого города являются к тебе должностные лица и депутаты для сдачи отчетов или для рассуждения о делах, касающихся интереса поземельной собственности, то мы нашли уместным и весьма полезным, чтобы с текущего же года происходили для жителей семи провинций ежегодно, в определенное время, собрания в метрополии, т. е. в городе Арле. Этим установлением мы имеем в виду одинаково обеспечить и общие, и частные интересы. Прежде всего, совещание знатнейших жителей, в присутствии цезарского префекта, – если требования общественного порядка не отзывают его в другое место, – даст возможность собрать по каждому обсуждаемому предмету наилучшие и наиболее правильные мнения. Все то, чего будут касаться рассуждения, и что после зрелого соображения будет принято за правило, сделается известным всем без исключения провинциям, и лица, не присутствовавшие в собрании, обязаны будут следовать тем же предписаниям справедливости и истины. Кроме того, учреждая в городе Константина⁵ ежегодные собрания, мы имеем в виду не только способствовать всеобщему благосостоянию, но и усилить общественные сношения. Действительно, положение города так выгодно, число иностранцев, собирающихся в нем, так велико, торговля его так обширна, что туда стекаются и люди, и произведения со всех концов света. Все, что производит богатый Восток, благоуханная Аравия, нежная Ассирия, плодородная Африка, прекрасная Испания и храбрая Галлия, – все находится там в таком изобилии, что вещи, удивляющие своим великолепием другие части света, в Арле считаются обыкновенными продуктами. Притом соединение Роны с Тосканским морем сближает и делает почти соседними страны, прорезываемые первой и омываемые вторым. Таким образом, весь мир приносит этому городу все, что в нем есть драгоценнейшего; произведения, свойственные каждой отдельной стране, перевозятся туда сухим путем, морем, реками, с помощью парусов, весел, повозок; неужели же наша Галлия не увидит благоденствия в данном нами повелении созывать общественное собрание в недрах этого города, где благоденствие Божию словно соединены все наслаждения жизни и все удобства торговли?

Уже славный префект Петроний⁶, с похвальной и вполне разумною целью, повелел соблюдать это обыкновение; но так как исполнение его было прервано смутами и владычеством узурпаторов, то мы решили силою нашей мудрости восстановить действие его. Итак, дорогой и многолюбивый родственник наш Агрикола, сообразуясь с настоящим нашим повелением и с обычаем, установленным твоими предшественниками, будет наблюдать за исполнением в провинциях следующих распоряжений: всем лицам, удостоенным общественных должностей или владеющим землями, а также всем провинциальным судьям следует объявить, что они должны ежегодно собираться для совещания в город Арль, в промежуток между идами⁷ августа и идами сентября; день открытия собрания и дни заседаний могут быть назначаемы по доброй воле.

⁵ Константин Великий особенно любил город Арль; он установил в нем пребывание галльского префекта и хотел дать Арлю свое имя; но обычай одержал верх над волею императора, и город сохранил свое прежнее название.

⁶ Петроний был галльским префектом между 402 – 408 гг.

⁷ Идами назывались у римлян пятнадцатые числа месяцев.

Новемпопулания и вторая Аквитания, как отдаленнейшие провинции, в случае, если судьи их задержаны нетерпящими отлагательства делами, могут присылать вместо них депутатов, согласно обычаю. Неявившиеся в назначенное место и в определенное время платят пеню, судьи – в пять фунтов золота, а члены курии⁸ и другие сановники – в три фунта. Этою мерою мы надеемся даровать жителям наших провинций большие выгоды и большие милости. Мы уверены также, что содействуем украшению города Арля, верности которого – по словам нашего брата и сотоварища⁹ – мы многим обязаны.

Дано XV майским календ. Получено в Арле X июньских календ¹⁰.

Провинции и города, однако, отказывались от этого благодеяния; никто не хотел избирать депутатов, никто не хотел ехать в Арль; централизация, единство были противны первобытному характеру этого общества, повсюду обнаруживался еще дух обособленности и муниципальности; невозможность установить единое общество, единое отечество была очевидна. Города были заключаемы в своих стенах, занимались только своими собственными делами, и империя пала, потому что никто не хотел принадлежать империи, потому что каждый гражданин хотел только принадлежать своему городу. Таким образом, в эпоху падения Римской империи мы встречаем тот самый факт, который заметили при возникновении Рима – преобладание муниципального устройства и муниципальной обособленности. Римский мир возвратился к своему первобытному состоянию: он создан из городов; он разрушился – остались города, муниципальное устройство – вот что завещала современной Европе древняя римская цивилизация; устройство весьма неправильное, расшатанное, во многом уступавшее тому, чем оно было в прежние времена, но все же единственно уцелевшее ото всех других элементов римского мира.

Употребив выражение «единственно уцелевшее», я ошибся. Наравне с муниципальным устройством сохранился другой факт, другая идея; это – идея империи, имя императора, идея императорского величества и абсолютной священной власти, связанной с этим именем. Вот элементы, которые римская цивилизация передала европейской: с одной стороны, муниципальное устройство, его образцы, его обычаи и уставы – это начала свободы; с другой – общее гражданское законодательство и идея неограниченной власти, священного величества, императорского могущества – это начала порядка и безусловного подчинения.

Но в то же самое время в недрах римского общества возникло другое общество, основанное на совершенно иных началах, одушевленное другими чувствами, – общество, которое должно было внести в европейскую цивилизацию элементы совершенно иного свойства, – я говорю о христианской церкви.

Я говорю «христианская церковь», а не «христианство». В конце IV и в начале V века христианство не составляло уже просто личного верования; оно было уже учреждением, получило определенное устройство, имело свое управление, свое духовное сословие, свою иерархию, определенную различными функциями духовенства, свои доходы, независимые средства к деятельности, свои сборные пункты, свои национальные, провинциальные, Вселенские соборы; оно уже привыкло разбирать миром дела общества. Одним словом, христианство в эту эпоху было не только религиею, но и церковью.

Если бы оно не было церковью, то я не знаю, какая участь постигла бы его в эпоху распада Римской империи. Я ограничиваюсь чисто человеческими соображениями, отстраняя все то, что не относится к естественным последствиям естественных фактов: если бы

⁸ Куриями назывались муниципальные советы римских городов; куриалами – члены этих советов.

⁹ Константин, второй муж Платидии, которого Гонорий взял в сотоварищи в 421 г.

¹⁰ Календами назывались у римлян первые числа месяцев. В конце месяца, после ид, дни обозначались календами.

христианство было, как в первые времена свои, только личным верованием, чувством, убеждением, то можно предполагать, что оно не устояло при распадении империи и вторжении варваров, как не устояло впоследствии в Азии и по всему северу Африки при подобном же вторжении варваров-мусульман; оно погибло, хотя уже достигло там церковной организации. Тем более могло это иметь место в эпоху падения Римской империи. В то время не существовало ни одного из тех средств, которыми теперь, независимо от учреждений, утверждаются и сохраняются нравственные влияния, ни одного из тех средств, которыми чистая истина, чистая идея приобретают прочную власть над умами, управляют поступками, определяют события. В IV веке не существовало ничего подобного: идеи, личные вожделения не могли получить подобное значение. Для борьбы с таким разрушением, для победы над таким ураганом необходимо было общество прочно организованное, управляемое сильной рукой. Можно сказать, без преувеличения, что в конце IV и начале V веков христианская церковь спасла христианство; церковь, с своими учреждениями, своею епархией чинов, своею властью, мощно сопротивлялась внутреннему распадению империи и варваризму; она покорила варваров и стала посредницею между ними и римским миром, связью, соединительным звеном, началом цивилизации в ту переходную эпоху. Для исследования вопроса о том, что было сделано христианством для современной цивилизации, какие элементы оно ввело в нее, необходимо, следовательно, обратиться к состоянию церкви в V веке, а не к состоянию религии в собственном смысле слова. Чем же в то время была христианская церковь?

Всматриваясь в перевороты, сопровождавшие развитие христианства от возникновения его до V столетия, рассматривая его – повторяю – исключительно как общество, а не как религиозное верование, мы находим, что оно прошло через три состояния, существенно различные между собою. Впервые, в самые первые времена, христианское общество является простым соединением общих верований и чувств; первые христиане собираются для взаимного обмена одних и тех же религиозных чувств и убеждений. Нет еще ни догматизированного учения, ни свода узаконений, ни дисциплины, ни сословия духовных лиц. Конечно, нет общества, как бы молодо, как бы слабо оно ни было, которое не руководилось и не одушевлялось бы какою-нибудь нравственною силою. В различных христианских общинах были люди, которые проповедывали, поучали и нравственно управляли общиною; но не было ни определенных должностных лиц, общепризнанного порядка управления: простой союз общих верований и чувств – вот первоначальное состояние христианского общества. По мере того как оно развивалось, – а развивалось оно быстро, потому что следы его видны уже в самых первых памятниках, – само учение стало кодифицироваться, постепенно установились правила дисциплины, появилась иерархия должностных лиц, из которых одни назывались пресвитерами, старейшинами, которые впоследствии стали священниками; другие – епископами, надсмотрщиками, наблюдателями, впоследствии – епископы в смысле высших сановников церкви; наконец, третьи – диаконами, на которых возложено было попечение о бедных и о раздаче милостыни. Почти невозможно с точностью определить, в чем состояли обязанности этих должностных лиц; определенных границ между их функциями, вероятно, и не было; но начало иерархии и церковной организации было положено. Эта вторая эпоха отличается тем не менее еще следующим характерным признаком: власть, преобладание в обществе принадлежит всей общине верующих. Они имеют перевес как при избрании должностных лиц, так и при установлении нового порядка управления и даже новых догматов. Между духовною властью и народом в христианском обществе еще нет разделения; они не существуют еще отдельно, независимо друг от друга, и преобладающее влияние в обществе принадлежит еще всему христианскому населению.

Третья эпоха представляет уже нечто совершенно иное. Является духовенство, отделенное от народа, сословие священнослужителей, у которого свои средства, свой устав, своя особенная организация, одним словом, настоящее правительство, составляющее само по

себе целое общество, снабженное всеми средствами к независимому существованию, независимому от того общества, на которое оно действует и на которое распространяет свое влияние. Такова третья эпоха в истории христианской церкви, таково состояние, в котором она является в начале V века. Церковное правительство еще не вполне отделено от народа, – подобное полное отделение и невозможно, в особенности в религиозном обществе, – но во взаимных отношениях духовенства и верующих духовенство господствует и господствует почти безотчетно.

Сверх того, христианское духовенство обладало еще совершенно другим средством влияния. Епископы и вообще духовные лица сделались главными муниципальными сановниками. Мы видели, что, собственно говоря, от Римской империи осталось одно только муниципальное устройство. Между тем, вследствие притеснений деспотизма и упадка городов, куриалы или члены муниципальных организаций впали в уныние и апатию, а епископы и все вообще христианские священнослужители, исполненные жизни и рвения, сами собою вызвались наблюдать за всем, руководить всем. Несправедливо было бы упрекать их за это, обвинять в узурпации власти: таков был естественный ход событий. Одно только духовенство было исполнено нравственной силы и жизни, – оно всюду сделалось всемогущим.

Этот переворот отразился на всем законодательстве императоров того времени. Раскрыв кодексы Феодосия или Юстиниана, вы найдете множество распоряжений, которыми муниципальные дела передаются в заведывание духовенства и епископов. Вот некоторые из них:

Код. Юст. I, 1, tt. IV, De episcopali audientia, 26. «Что касается до текущих дел городов (будет ли то касаться обыкновенных городских доходов или городских капиталов, подаренных или завещанных частными лицами, или образовавшихся из какого-либо другого источника, – будут ли рассматриваться вопросы об общественных работах, провиантских магазинах, водопроводах, о содержании бань, пристаней, о постройке стен, башен, о возобновлении мостов и дорог, о тяжбах, с которыми могут быть связаны общественные или частные интересы города, то мы повелеваем следующее: благочестивейший епископ и три человека с добрым именем, из первых людей города, соединятся и будут ежегодно осматривать произведенные работы; они будут заботиться, чтобы лица, которые руководят или руководили работами, измеряли бы их со всею точностью, отдавали бы в них отчет и доказывали бы, что они удовлетворительно исполнили свои обязательства в отношении к администрации как по предмету общественных сооружений, так и сумм, назначенных на припасы и бани, или расходов на содержание дорог, водопроводов и проч.».

Там же. 30. «В отношении попечительства над молодыми людьми первого или второго возраста и над всеми теми, кому закон дает попечителей, если их состояние не превышает 500 золотых (aurei), мы повелеваем, чтобы не было ожидаемо разрешения президента провинции, потому что это повело бы к значительным издержкам, особенно когда президент не живет в том городе, где должно быть учреждено попечительство. В этих случаях определение попечителей или опекунов должно зависеть от правителя города... по соглашению с благочестивейшим епископом и другими лицами, облеченными общественными должностями, если в городе их несколько».

Там же, I, 1, tt. V, De defensoribus, 8. «Мы желаем, чтобы защитники городов, хорошо знакомые с святыми тайнами

православной веры, избирались и утверждались почтенными епископами, священнослужителями, знатнейшими лицами, собственниками и куриалами. Что касается до введения их в должность, то для этого должно обращаться к славному могуществу префекта претории, дабы власть их почерпала в его санкции более твердости и силы».

Я мог бы указать много других подобных этим законов; вы везде увидели бы тот факт, что между муниципальным устройством Древнего Рима и Средних веков лежит церковное муниципальное устройство. Преобладание духовенства в городских делах заменило влияние древних муниципальных властей и предшествовало организации новейших общин.

Понятно, до какой степени увеличение власти христианской церкви содействовало, с одной стороны, самое внутреннее устройство ее, влияние ее на христианское народонаселение, а с другой стороны, участие ее в гражданских делах. Вследствие этого она с тех пор и влияла так сильно на характер и развитие современной цивилизации. Попытаемся сделать обзор тем элементам, которые она внесла в эту цивилизацию.

Прежде всего нельзя не признать огромным преимуществом присутствия нравственного влияния, нравственной силы, основанной единственно на убеждениях, верованиях и чувствах, среди преобладания грубой силы, тяготевшего в то время над обществом. Не будь христианской церкви, весь мир подпал бы чисто материальной силе. Одна церковь обладала силою нравственною. Она поддерживала идею нравственного режима, закона, стоящего выше всех человеческих законов; она проповедывала то необходимое для блага человечества верование, что над всеми человеческими законами стоит закон, который, смотря по времени и нравам, называется то разумом, то божественным правом, но который везде и всегда под разными именами остается одним и тем же законом.

Наконец, церковь положила начало великому делу разделения властей духовной и светской. Это разделение есть источник свободы совести; оно исходит из того же начала, которое служит основанием свободы совести в самом строгом и обширном смысле слова. Разделение властей основано на той идее, что материальная сила не имеет ни права, ни влияния на умы, убеждения, истину. Оно прямо вытекает из различия, установившегося между миром мысли и миром действия, миром внутренних и миром внешних фактов. Таким образом принцип свободы совести, за который Европа так долго боролась, столько страдала, который так поздно восторжествовал, часто вопреки воле духовенства, – этот принцип под именем отделения светской власти от духовной существовал в самой колыбели европейской цивилизации; он был введен в нее и поддерживался христианскою церковью, вынужденною к тому своим тогдашним положением, необходимостью защищаться против варварства. Установление нравственного влияния, поддержание божественного закона и отделение светской власти от духовной – вот три великих благодеяния, которые христианская церковь оказала в V веке европейскому миру.

Но и тогда уже не все стороны влияния церкви были одинаково благотворны для общества. Уже и в V веке проявляются в церкви некоторые дурные начала, игравшие большую роль в развитии нашей цивилизации. Так, в недрах ее уже в то время начинало преобладать отделение правителей от управляемых, стремление сделать первых независимыми от последних, предписывать управляемым законы, овладеть их умами и жизнью, игнорируя требования свободного разума и свободной воли. Кроме того, церковь старалась утвердить во всем обществе теократическое начало, присвоить себе светскую власть, исключительное господство. Не достигая в этом успеха, она соединилась со светскими властителями и поддерживала, в ущерб свободе подданных, абсолютную власть для того, чтобы получить участие в ней.

Таковы главные элементы цивилизации, доставшиеся Европе в начале V столетия как от церкви, так и от империи. В таком положении нашли варвары римский мир, когда они

завладели им. Следовательно, для ближайшего знакомства со всеми элементами, соединившимися и смешавшимися в колыбели нашей цивилизации, нам остается только изучить самих варваров. Конечно, нам нет никакой надобности излагать здесь историю варваров. Мы знаем, что в ту эпоху завоеватели империи происходили почти все из одного и того же племени – германского, за исключением нескольких славянских народов. Кроме того, мы знаем, что все они стояли почти на одной и той же степени цивилизации. Между ними могло быть некоторое различие, смотря по тому, часто ли они находились в соприкосновении с римским миром. Так, например, нет сомнения, что племя готов было более развито, отличалось более мягкими нравами, чем племя франков. Но различия эти, рассматриваемые с общей точки зрения, не имеют никакого значения.

Нам важно знать в общих чертах состояние общественного быта у варваров, но в настоящее время весьма трудно дать себе отчет в этом состоянии. Мы довольно легко понимаем римскую муниципальную систему и христианскую церковь; их влияние сохранилось и донныне; мы находим следы его во множестве современных учреждений и явлений, в наших руках тысяча средств распознать и объяснить их. Нравы же и общественный быт варваров почти совершенно исчезли, мы принуждены угадывать их по древнейшим историческим памятникам или же усилиями нашего воображения.

Чтобы составить себе истинное представление о варваре, необходимо прежде всего вполне уразуметь следующие факты: наслаждение личною независимостью, удовольствие самовластно распоряжаться своею свободою, своими силами, среди всех превратностей мира и жизни; прелесть деятельной жизни без труда, стремление к жизни, исполненной приключений, неожиданностей, перемен, опасностей, – таково чувство, преобладающее в варварах, такова нравственная потребность, приводившая в движение эти массы людей. В настоящее время замкнутому среди нашего благоустроенного общества человеку трудно представить себе ту мощь, с какою это чувство действовало на варваров IV и V веков. В одном только сочинении можно найти правильную оценку его со всеми проистекающими от него результатами, это – в *«Истории завоевания Англии норманнами»* Тьерри – единственная книга, в которой побуждения, склонности, стремления, действующие в людях, общественный быт которых близок к варварству, прочувствованы и воспроизведены с истинно гомерическою верностью. Нигде вы не увидите с такою ясностью, что такое варвар и что такое жизнь варваров. Нечто подобное можно найти и в романах Купера, заимствованных из быта американских дикарей, хотя, по моему мнению, они в этом отношении гораздо ниже сочинения Тьерри, – в них меньше простоты и истины. В жизни американских дикарей, в их взаимных сношениях, в чувствах, владеющих ими, есть что-то напоминающее в известной степени нравы древних германцев. Без сомнения, картины в указанных мною сочинениях несколько идеализированы, несколько поэтичны, дурная сторона жизни варваров и их нравов изображена недостаточно резко. Я говорю не только о зле, которое причиняют эти нравы в общественном быте, но и о внутреннем, личном состоянии самого варвара. Труд Тьерри не может дать полного понятия о всей грубости, материальности, заключающейся в страстном стремлении варвара к личной независимости, о зверских инстинктах его, о его апатии, о его безудержности. Однако, вдумываясь в самую сущность дела, мы убеждаемся, что страсть к личной независимости, несмотря на всю примесь грубости, материализма, необузданного эгоизма, есть само по себе благородное чувство, почерпающее свою силу из нравственной природы человека: это – удовольствие сознавать себя человеком, это – чувство личности, самостоятельности человеческой в свободном ее развитии.

Вот это именно чувство и было внесено варварами в европейскую цивилизацию; оно не было известно ни римскому миру, ни христианской церкви, ни большей части древних цивилизаций. Если вы и находите в древних цивилизациях свободу, то свободу политическую, свободу гражданина. Там человек заботится не о личной, но о гражданской своей свободе; он

принадлежит к известному обществу, посвятил себя ему, готов пожертвовать ему собою. То же самое было и в христианской церкви: и там господствовало чрезвычайно сильно развитое чувство привязанности к христианской общине, преданности ее законам, живая потребность расширить ее владычество; или же религиозное чувство вызывало сильную реакцию человека против самого себя, своей души, внутреннее стремление ограничить свою свободу и подчиниться требованиям веры; но повторяю – чувство личной независимости, стремление к свободе, развивающееся бессознательно, единственно с целью найти себе удовлетворение, не было знакомо ни римскому, ни христианскому обществам. Оно было внесено и положено в колыбель европейской цивилизации варварами. Оно играло в ней такую важную роль и принесло столь благие результаты, что нельзя не выставить его на вид как один из основных элементов ее.

Есть еще один факт – второй элемент цивилизации, точно так же унаследованный нами собственно от варваров – это военное патронатство, т. е. связь, которая устанавливалась между соплеменниками, между воинами, и которая, не уничтожая свободы каждого отдельного лица, не уничтожая даже первоначально существовавшего между всеми равенства, вводила, однако, иерархическую подчиненность и положила основание аристократической организации, обратившейся впоследствии в феодальную систему. Отличительной чертой этих отношений была привязанность человека к человеку, взаимная преданность их, без всякого внешнего понуждения, без всякого обязательства, основанного на главных началах общественного быта. В древних республиках вы не увидите ни одного человека исключительно и добровольно преданного другому: все одинаково преданы городу. У варваров общественная связь установилась между отдельными лицами, сначала вследствие отношений начальника дружины к членам ее, в то время, когда варвары еще нестройными толпами скитались по Европе, а позже – вследствие отношений сюзерена к вассалу. Этот второй принцип, тоже игравший значительную роль в истории европейской цивилизации, – эта преданность человека человеку, – заимствован нами у варваров; из их нравов он проник в наши нравы.

Не следует ли из всего этого, что современная цивилизация в самой колыбели своей действительно была так бурна, так разнообразна, многосложна, как я старался обрисовать ее в представленной мною общей картине? Не встречаются ли уже в эпоху падения Римской империи почти все зачатки, которые проявляются в прогрессивном развитии нашей цивилизации?

Мы нашли в распадающейся Римской империи три совершенно различные общества: муниципальное – последний остаток самой империи, христианское и варварское. Эти общества, различно организованные, учрежденные на различных началах, внушают человеку самые разнообразные чувства: потребность безусловной независимости существуют рядом с полным подчинением, военный патронат рядом с господством церкви, духовная власть рядом со светскою, постановления церкви, ученое законодательство римлян – рядом с обычным правом или, вернее, бесправием варваров. Повсюду смесь или, лучше сказать, смешение самых разнообразных племен, языков, общественных учреждений, нравов, идей и впечатлений. В этом, я полагаю, заключается очевидное доказательство верности того мнения, которое я высказал об общем характере нашей цивилизации.

Без сомнения, это смешение, разнообразие, эта борьба стоили нам очень дорого: отсюда медленность прогресса Европы, отсюда все бури и бедствия, которым она подверглась. Однако я не думаю, чтобы следовало сожалеть об этом. Для народов, как и для отдельных лиц, надежда на самое разнообразное, самое полное развитие, на самый всесторонний, почти беспредельный прогресс, – одна эта надежда вознаграждает за все то, что может стоить право питать ее. Вообще говоря, это насильственное, бурное, тяжелое состояние имело

большое преимущество перед простотою, которою отличались другие цивилизации; человеческий род выиграл от него больше, чем пострадал.

Итак, мы ознакомились теперь в общих чертах с тем состоянием, в котором оставила мир Римская империя: мы ознакомились с различными элементами, волнующимися и соединяющимися между собою, чтобы вызвать к жизни европейскую цивилизацию. Отныне они будут развиваться пред нашими глазами. В следующей лекции я постараюсь выяснить, какая участь постигла эти элементы, и что они произвели в эпоху, обыкновенно называемую варварскою, т. е. в эпоху Великого переселения народов.

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ

Притязание различных систем на законность. – Что такое политическая законность? – Совместное существование всех образцов правления в V веке. – Непрочность положения лиц, собственности и учреждений. – Две причины ее: одна внешняя – продолжавшееся нашествие варваров, другая – нравственная – эгоистическое чувство индивидуальности, свойственное варварам. – Началами цивилизации были: потребность порядка, предания Римской империи, христианская церковь, варвары. – Попытки организации, сделанные варварами, городами, христианскою церковью, Карлом Великим, Альфредом. – Прекращение нашествий германцев и арабов. – Начало феодального строя.

Мы выяснили основные элементы европейской цивилизации в том виде, в каком они представляются в самой ее колыбели, в эпоху падения Римской империи. Я старался выяснить, как сильно было их различие, их постоянная борьба, каким образом ни один из них не достиг преобладания в общественном строе, по крайней мере, не достиг его в такой мере, чтобы подчинить себе все другие элементы или вытеснить их. Мы видели, что в этом заключается отличительный характер европейской цивилизации. Теперь мы приступаем к изучению первоначальной ее истории, к изучению тех веков, которые принято называть варварскими.

Уже при самом поверхностном обозрении этой эпохи, бросается в глаза факт, состоящий, по-видимому, в противоречии с тем, что высказано нами в предыдущей лекции. Исследуя понятия, установившиеся относительно зачатков общественного строя Европы, вы тотчас же заметите, что все разнообразные элементы нашей цивилизации, все принципы: монархический, теократический, аристократический, демократический, – претендуют на то, что европейское общество первоначально подчинялось исключительно господству каждого из них и что каждый же из них лишился своего господства только вследствие насилия других, противоположных принципов. Изучая все, что было писано и высказано по этому предмету, мы убедимся, что каждая из систем, с помощью которых старались характеризовать или объяснить первобытное состояние Европы, отстаивает исключительное преобладание того или другого элемента европейской цивилизации.

Таким образом, существует школа феодальных публицистов, из которых самый известный, Буленвиллье, утверждает, что после падения Римской империи вся власть, все права перешли к завоевателям, из которых впоследствии образовалось дворянство, что общество подчинялось господству дворянства, что господство это было разрушено королями и народом, что аристократическая организация есть истинная, первоначальная форма общественного устройства Европы.

Наряду с этой школой вы найдете школу монархических публицистов, аббата Дюбо, например, которые утверждают, что европейское общество было подчинено господству королевской власти. Германские короли, говорят они, наследовали все права римских императоров; короли эти были даже призваны древними народами, между прочим, галлами; они одни господствовали законно, и всякое преобладание аристократии было только насильственным посягательством на преобладание монархии.

Третья школа – школа публицистов-либералов, республиканцев, демократов, назовите их как угодно. По мнению аббата де Мабли, управление обществом, уже начиная с V века, принадлежало свободным учреждениям, собранию свободных людей, народу, в собственном смысле этого слова; дворяне и короли обогатились за счет первоначальной свободы; она пала под их ударами, но царила до них.

И над всеми этими притязаниями: монархическими, аристократическими, народными – возвышается теократическое притязание церкви, утверждающей, что общество принадлежало ей в силу самого ее назначения, в силу ее божественного призвания, в силу того, что она одна имела право управлять им, одна была законною царицею европейского мира, ее усилиями покоренного цивилизации и истине.

Вот в каком положении мы находимся.

Нам казалось, что в истории европейской цивилизации ни один из ее элементов не пользовался исключительным преобладанием, что все они существовали в состоянии постоянного смешения, борьбы, взаимных уступок; а между тем с первого же шага мы встречаем прямо противоположное мнение, по которому в самой колыбели нашей, в недрах варварской Европы, обществом владел тот или другой элемент цивилизации. И не только в одной какой-либо, но во всех странах Европы различные принципы нашей цивилизации в разные эпохи и в различных формах заявляли такие несогласимые между собою притязания. Исторические школы очерченные нами встречаются повсюду.

Факт этот важен не сам по себе, но потому, что он ведет к открытию других фактов, играющих серьезную роль в нашей истории. Во всей этой совокупности самых противоположных притязаний на исключительное обладание Европою еще в младенчестве ее обнаруживаются два главных факта: во-первых, идея политической законности, идея, игравшая важную роль в развитии европейской цивилизации; во-вторых, особенный, истинный характер варварской Европы в ту эпоху, изучением которой мы займемся в этой лекции.

Постараюсь осветить эти факты, извлечь их один за другим из описанной мною борьбы разнородных притязаний.

К чему стремятся различные элементы европейской цивилизации – теократический, монархический, аристократический, народный, – доказывая, что они первые обладали европейским обществом?

Без сомнения, каждый из них стремится прослыть единственно законным. Политическая законность есть право, основанное на давности, продолжительности; первенство во времени признается источником права, доказательством законности власти. И заметьте, прошу вас, что притязание на законность принадлежит не одной какой-либо системе, не одному какому-либо элементу нашей цивилизации, но всем. В наше время идею подобной законности обыкновенно усматривают в одной только монархической системе. Это ошибочно – она встречается во всех системах. Все элементы нашей цивилизации, как было показано нами, одинаково хотели присвоить ее себе. Обратитесь к более отдаленным временам истории Европы, вы увидите характер законности в самых разнообразных формах общественного устройства. Итальянские или швейцарские аристократии и демократии, Сен-Маренская республика и самые обширные европейские монархии признавали себя и были признаваемы законными; и те и другие основанием своих притязаний на законность приводили давность своих учреждений, историческое старшинство и непрерывность своей системы управления. Оставим Европу, обратившись к другим временам и странам, вы всюду встретите ту же самую идею политической законности; повсюду она сопряжена с известною формою правительственной власти, с известным учреждением, догматом, принципом. Нет страны, в которой в любую эпоху какая-либо часть общественной системы, общественной власти не присвоила себе и не упрочивала за собою этого начала законности, вытекающего из давности и продолжительности существования.

Что же это за начало? Какие его элементы? Что оно означает? Каким образом оно вошло в европейскую цивилизацию?

При возникновении всякой власти – всякой без различия – мы непременно встречаем силу. Я не говорю, чтобы все власти утверждались одною только силою и устанавливались не имея никаких на то прав, кроме силы. Каждая власть очевидно нуждается еще в чем-то дру-

гом. Власть устанавливается вследствие известных общественных потребностей, известного отношения к состоянию общества, к его правам и убеждениям. Но нельзя не признать, что сила оскверняла колыбель всех властей этого мира, какого бы они ни были рода и характера.

Никто, однако, не хочет признать за общественную власть такого происхождения, его отвергают все без исключения; ни одна из общественных властей не хочет считать себя произведением силы. Непреодолимый инстинкт внушает правительствам, что сила не есть основа права и что, происходя от одной только силы, они никогда не могли бы заимствовать от нее свои права. Вот почему каждая система восклицает: «Я старше всех, я существовала ранее прочих и на основании иных начал; общество принадлежало мне еще раньше того состояния насилия и борьбы, в котором вы меня встречаете; законность была на моей стороне, но меня насильственно лишили моих прав».

Один этот факт уже доказывает, что сила не есть основание политической законности, утверждающейся на совершенно ином начале. Что означает, в самом деле, такое формальное отрицание силы всеми системами? Оно означает, что есть другая законность, настоящий источник всех остальных: законность разума, справедливости, права; с нею все системы по необходимости хотят связать свое происхождение. Не желая признавать свою колыбелью грубую силу, они присваивают себе во имя давности другие, совершенно различные между собою права. Таким образом отличительный характер политической законности есть отрицание силы как источника власти, стремление соединиться с нравственной идеею, с нравственной силою, с идеею права, справедливости, разума. Вот основной элемент, из которого постепенно развился принцип политической законности.

Процесс этого развития был следующий: сила господствует при возникновении всякого правительства, всякого общества, но время идет и время изменяет продукт силы, исправляет его уже тем одним, что общество продолжает существовать и что оно состоит из людей. Человек носит в самом себе некоторые идеи порядка, справедливости, разумности и некоторую потребность дать им преобладание, ввести их в окружающие явления; он непрерывно трудится над этим, и если общественный быт, среди которого он живет, не разрушается, то труд его не пропадает даром. Человек, являясь орудием Провидения, вносит разум, нравственность, законность в окружающий его мир.

Независимо от человеческого труда, нельзя не признать существования божественного закона, сходного с тем, который управляет материальным миром; на основании этого закона существование общества невозможно без известной меры порядка, разумности и справедливости. Из самого факта существования общества можно заключить, что оно не вполне лишено того элемента разумности, истины, справедливости, который один дает жизнь обществам. Если, вдобавок, общество развивается, становится сильнее, могущественнее, если условия общественной жизни с каждым днем прививаются все большему и большему числу людей, – то это значит, что в общество вводится постепенно все более и более разумности, справедливости, права, и что все общественные явления мало-помалу начинают соотносываться с требованиями истинной законности.

Таким образом идея политической законности проникает в мир, в умы людей. Основанием, первоначальным источником ее служит – по крайней мере в известной степени – нравственная законность, справедливость, разумность, истина; потом она утверждается временем; человек приучается сознавать, что право руководить общественными явлениями, что истинная законность введена во внешний мир. В изучаемую нами эпоху вы увидите силу и ложь, парящими над колыбелью королевской власти, аристократии, демократии, даже самой церкви, – и всюду вы увидите, как сила и ложь преобразовываются могучим воздействием времени, как право и истина завоевывают себе место в цивилизации. Вот это-то проникновение права и истины в общественный строй и выработало мало-помалу идею политической законности, этим именно путем она и установилась в современной цивилизации.

Когда таким образом идею законности в различные эпохи пытались превратить в знамя абсолютной власти, то всегда искажали ее истинное происхождение. Она не исключительна, не принадлежит никому в особенности и рождается всюду, где только развивается право. Политическая законность соединяется с свободой точно так же, как и с силою, с правами личными, как и с условиями, при которых действует общественная власть. Мы найдем эту идею в самых противоположных общественных устройствах: в феодальной системе, в общинах Фландрии и Германии, в итальянских республиках, в монархиях. Приступая к изучению европейской цивилизации, мы необходимо должны были вполне усвоить себе это свойство, общее всем ее элементам.

Второй факт, ясно обнаруживающийся из совокупности притязаний, о которых я говорил в начале этой лекции, это истинный характер эпохи, которую обыкновенно называют варварскою. Каждый из элементов европейской цивилизации претендует, что он владел в эту эпоху Европою; отсюда ясно, что ни одному из них не принадлежало в ней исключительное господство. Не нужно больших усилий, чтобы заметить преобладание какой-нибудь формы общественного устройства. До X столетия мы без колебания признаем господство феодализма; столь же решительно мы можем утверждать, что в XVII веке преобладающим принципом был принцип монархический; изучая фландрские общины и итальянские республики, мы тотчас же провозгласим господство демократического принципа. Если в обществе действительно господствует какое-нибудь начало, то оно ни в каком случае не может остаться незамеченным. Спор, возникающий между различными элементами европейской цивилизации о том, которому из них принадлежал перевес при самом зарождении ее, доказывает, что все они существовали одновременно и что ни один из них не преобладал настолько, чтобы придать обществу свою форму, свое имя.

Таков в действительности характер варварской эпохи. Этот хаос всех элементов, младенчество всех систем, всеобщий беспорядок, среди которого самая борьба не отличалась ни систематичностью, ни постоянством. Рассматривая общественный быт этой эпохи со всех сторон, я мог бы показать вам, что в нем не представляется ни одного факта, ни одного принципа, сколько-нибудь установившегося. Я ограничусь двумя главными пунктами: состоянием человека и состоянием учреждений; этого будет достаточно, чтобы набросать картину всего общества.

В рассматриваемую эпоху встречается четыре класса людей: 1) свободные люди, т. е. те, которые не знали над собою никакого начальника или патрона, которые с полною свободою распоряжались собою и своим имуществом, не имея никаких обязательных отношений к другому человеку; 2) ленники, верные, анструстионы и др., связанные сначала отношениями дружинника к предводителю, затем отношениями вассала к сюзерену, т. е. к человеку, которому они обязаны были службою взамен уступленных им земель или какого-либо другого дара; 3) вольноотпущенники; 4) рабы.

Были ли эти классы резко разграничены между собою? Люди, однажды вступившие в один из них, оставались ли в нем всегда? Взаимные отношения различных классов были ли хотя сколько-нибудь правильны, постоянны? Ничуть. Вы беспрестанно видите, как свободные люди оставляют свое положение, поступают к кому-нибудь на службу, получают какой-либо дар и переходят в класс ленников, а иные нисходят даже до степени рабов. С другой стороны, ленники стараются освободиться от своего патрона, сделаться независимыми и возвратиться в класс людей свободных. Повсюду движение, непрерывный переход из одного сословия в другое, общее замешательство, непрочность во взаимных отношениях общественных сословий. Ни один человек не остается в одном и том же положении, ни одно положение не остается неизменным.

То же самое относится к собственности. Вы знаете, что в то время существовала собственность аллодиальная, или вполне свободная, и собственность бенефициальная, или

обремененная известными обязательствами в отношении к высшему лицу; вам известны объяснения, с помощью которых пытались подвести под точную и определенную систему собственность второго рода: утверждали, что сначала бенефиции давались на определенное число лет, потом пожизненно, и что наконец они сделались наследственными. Тщетные попытки: все эти способы владения существовали одновременно, друг подле друга; в одно и то же время встречаются бенефиции срочные, пожизненные, наследственные; одна и та же земля в несколько лет проходит через все эти различные состояния. В положении земель такое же отсутствие единства и прочности, как и в положении людей. Повсюду чувствуется трудный переход от бродячей жизни к оседлой, от личных отношений к вещественным, т. е. сложным личным и имущественным отношениям; в этом переходном периоде все смутно, индивидуально, беспорядочно.

В учреждениях та же неустойчивость, тот же хаос. Три системы учреждений существуют друг подле друга: королевская власть, аристократические учреждения, или взаимный патронат людей и земель, и свободные учреждения, т. е. совещательные собрания свободных людей. Ни одна из этих систем не владеет обществом, не преобладает над ним. Свободные учреждения существуют, но лица, имеющие право участвовать в собраниях, редко и неохотно собираются. Столь же беспорядочно отправление господского (сеньориального) суда. Королевская власть – самое простое, легко определяемое учреждение – не имеет никакого определенного характера, оно представляет смешение принципов избирательного и наследственного: иногда сын наследует отцу, иногда избирается один из членов семейства, иногда, наконец, избирательный принцип проявляется в своем простейшем, чистом виде – посредством избрания какого-нибудь дальнего родственника или даже чужеземца. Ни в одной системе не найдете вы прочности определенности; все учреждения, все общественные положения существуют одновременно, беспрестанно смешиваются между собою и изменяют друг друга.

В государствах господствует та же подвижность: они создаются и уничтожаются, соединяются и разъединяются. Нет ни границ, ни правительств, ни народов. Повсеместное смешение положений, принципов, фактов, рас, языков – такова варварская Европа.

В каких же пределах заключена эта странная эпоха? Начало ее отмечено весьма ясно – оно совпадает с падением Римской империи. Но где она оканчивается? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо понять, откуда проистекал такой общественный строй, в чем состояли причины варварства. Мне кажется, что главных причин было две: одна материальная, внешняя, заключающаяся в ходе событий; другая – нравственная, внутренняя, зависевшая от природы самого человека.

Материальная причина – это продолжение переселения народов. Не следует думать, что нашествие варваров прекратилось в V веке. Римская империя пала, и на ее развалинах основались варварские государства, но этим еще не окончилось движение варварских народов. Оно продолжалось еще долго после падения империи; доказательства очевидны.

Уже первая династия франкских королей вынуждена вести постоянную войну по ту сторону Рейна: Клотарь, Дагобер беспрестанно предпринимают походы в Германию, борются с тюрингами, датчанами, саксами, занимавшими правый берег Рейна. Почему? Потому что все эти народы стремятся перейти через реку и захватить свою долю из остатков империи. Откуда происходят в то же время обширные вторжения в Италию франков, поселившихся в Галлии, особенно восточных франков? Они бросаются в Швейцарию, переходят Альпы, являются в Италии. Почему? Потому что с северо-востока их теснят иные народы. Походы их не простые набеги с целью грабежа – они вынуждены необходимостью; народ, тревожимый в своих владениях, идет искать счастья в другие страны. На арене исторического мира является новая германская нация и образует в Италии Лангобардское королевство. В Галлии переменяется франкская династия: Меровингам наследуют Карловинги;

теперь признано, что эта перемена династии в сущности была не чем иным, как новым вторжением франков в Италию, движением народов, вследствие которого восточные франки вытеснили западных. Перемена совершилась; господствует вторая раса; Карл Великий действует против саксов точно так же, как Меровинги действовали против тюрингов: он в беспрерывной войне с этими зарейнскими народами. Кто теснит их к нему навстречу? Оботриты, вилькцы, сарабы, богемцы, все славянское племя, тяготеющее над германским и заставляющее его, в промежуток времени между VI и IX столетиями, отодвинуться далее на запад. Повсюду на северо-востоке движение народов продолжается и имеет решающее влияние на ход событий.

На юге обнаруживается движение такого же рода: появляются арабы. В то время, когда по течению Рейна и Дуная друг друга теснят германские и славянские народы, на берегах Средиземного моря начинаются набеги и завоевания арабов. Нашествие арабов носит совершенно своеобразный характер. Оно соединяет в себе дух завоевания и дух прозелитизма. Нашествие предпринимается с двойною целью: покорить территорию и распространить веру. Между этим движением и движением германцев весьма важное различие. В христианском мире духовная сила отделена от материальной. Потребностью религиозной пропаганды и жаждою завоеваний одушевлены там не одни и те же люди. Германцы, приняв крещение, сохранили свои нравы, чувства, наклонности; земные страсти и интересы продолжали господствовать в них; они сделались христианами, но не миссионерами. Арабы, напротив того, были в одно и то же время и завоевателями, и миссионерами; в одних и тех же руках соединялась у них сила меча и сила проповеди. Это обстоятельство впоследствии придало губительное направление мусульманской цивилизации: тирания, нераздельная, по-видимому, с этою цивилизациею, произошла именно от единства властей духовной и светской, от слияния нравственного авторитета и материальной силы. В том же, я думаю, заключается и главная причина застоя, в который повсюду впала мусульманская цивилизация. Но все эти результаты обнаружались не вдруг. Сначала вторжение арабов отличалось изумительною силою. Руководимые духовными страстями и идеями, оно началось с блеском и величием, чуждыми нашествию германцев, развилось с большою энергиею и энтузиазмом и произвело на умы несравненно более сильное впечатление.

Таково было в промежуток между V и IX столетиями положение Европы, теснимой с юга магометанами, с севера – германцами и славянами. Ясно, что противодействие такому двойному вторжению должно было поддерживать в европейской территории постоянный беспорядок. Народы беспрерывно меняли свое местопребывание, теснили, давили друг друга; не могло установиться ничего прочного; повсюду возобновлялась бродячая жизнь. Между различными государствами существовало, конечно, в этом отношении некоторое различие. В Германии хаос был больше, чем в остальной Европе, – Германия была центром движения, Франция волновалась больше, нежели Италия, но общество нигде не могло установиться, успокоиться: варварство продолжалось повсюду и по той же самой причине, которая положила ему начало.

Вот в чем состояла материальная причина тогдашнего положения Европы, причина, коренившаяся в самом ходе событий. Теперь перейдем к другой, не менее важной причине – причине нравственной, заключающейся во внутренней природе человека.

Каковы бы ни были внешние события, мир создается преимущественно самим человеком; от его чувств, идей, нравственных и умственных наклонностей зависит устройство и движение мира; от его внутреннего состояния зависит и состояние общества. При каких же условиях люди могут основать сколько-нибудь устойчивое, правильное общество? Они, очевидно, должны иметь известное число идей, которые по обширности своей соответствовали бы такому обществу, применялись бы к его потребностям и отношениям. Необходимо, кроме того, чтобы эти идеи были распространены среди большинства членов общества и

чтобы они имели некоторую власть над их действиями и волею. Ясно, что если люди не имеют идей, выходящих за пределы их личного существования, если их умственный кругозор ограничивается только собственной личностью, если они преданы случайностям своих страстей и своей воли, если у них нет известного числа общих понятий и чувств, которые их соединяют, ясно, говоря я, что такие люди не могут образовать общество; каждое отдельное лицо будет причиной смут и раздоров в том союзе, в который оно вступило.

Там, где личность господствует почти безусловно, где человек сообразуется только с самим собою, где идеи его не простираются дальше его самого, он послушен только собственным страстям, там общество (т. е. общество сколько-нибудь обширное и устойчивое) невозможно. Таково было в рассматриваемую нами эпоху нравственное состояние завоевателей Европы. В предыдущей беседе я заметил, что мы обязаны германцам могучим чувством личной свободы, индивидуальности человека. Но в состоянии крайней грубости и невежества чувство это есть не что иное, как эгоизм во всей зверской необузданности. В таком виде является оно у германцев от V до VIII века. Германец заботился только о своих собственных интересах, своих страстях, о своей воле; каким же образом мог бы он примениться к чему-нибудь, похожему на общество? Были попытки ввести германцев в общественную жизнь; они сами пытались вступить в нее, но тотчас же оставляли ее, вследствие своей непредусмотрительности, недостатка благоразумия или преобладания диких страстей. Стремление общества к образованию, к благоустройству постоянно встречало противодействие в самом человеке, в отсутствии нравственных условий общественного быта.

Таковы были два главных условия варварского состояния Европы. Пока они существовали, существовало и варварство; посмотрим, как и когда они прекратились. Усилия Европы были направлены к выходу из этого состояния. Желание оставаться в нем было бы противно природе человека, хотя бы его падение произошло и по собственной его вине. Как бы он ни был груб, невежествен, предан личным интересам и страстям, в нем есть голос, инстинкт, говорящий ему, что он создан для иной жизни, что он имеет иную силу, иное назначение. Среди беспорядка его преследует и мучит неодолимое влечение к порядку и прогрессу. Под игом самого слепого эгоизма его волнует потребность правосудия, мудрости, развития. Он чувствует в себе призвание преобразовать и внешний мир, и общество, и самого себя, не отдавая себе даже отчета в потребности, побуждающей его к тому. Варвары жаждали цивилизации, не будучи способны воспринять ее – скажем более – питая к ней ненависть, лишь только становилось ощутительным ее влияние.

Кроме того, уцелели еще довольно значительные обломки римской цивилизации. Имя империи, воспоминание об этом великом и славном обществе волновало людей, в особенности городских сенаторов, епископов, священников – всех тех, сан которых возник еще в римском мире. Между самими варварами или их предками многие были свидетелями величия империи, они служили в ее войсках, они покорили ее. Образ, имя римской цивилизации внушали им уважение; они чувствовали потребность подражать ей, воспроизвести ее, сохранить некоторые ее остатки. Вот еще причина, которая должна была выдвинуть их из описанного мною состояния варварства.

Была еще третья причина, ясно представляющаяся всякому: я говорю о христианской церкви. Церковь была благоустроенным обществом со своими принципами, правилами, своим порядком управления; она чувствовала пламенное стремление распространить свое влияние, завоевать своих завоевателей. Между христианами этой эпохи, в христианском духовенстве, были люди, размышлявшие о всех нравственных, политических вопросах, имевшие по всем предметам твердо установившиеся мнения, пламенные чувства, – люди исполненные желания распространить эти мнения и чувства, доставить им преобладание. Усилия, употребленные христианскою церковью в промежуток между V и X веками, чтобы приобрести влияние на внешний мир и устроить его по своему образцу, превосходят все то,

что было сделано в этом направлении каким бы то ни было другим обществом. Изучая в частности историю церкви, мы увидим, как много она пыталась сделать. Она, так сказать, со всех сторон нападала на варварство, чтобы, господствуя над ним, цивилизовать его.

Наконец, четвертая причина цивилизации – причина, не подлежащая точной оценке, но тем не менее действительная, – это появление великих людей. Никто не может сказать, почему в известную эпоху является великий человек, и насколько он участвует в развитии мира, – это тайна провидения; но самый факт тем не менее существует. Есть люди, которых поражает и возмущает вид анархии или застоя в обществе, которые восстают всей душой против законности этого факта и чувствуют в себе непреодолимую потребность изменить его, внести в окружающий их мир некоторый порядок, нечто общее, правильное, прочное. Сила этих людей страшна, опасна, она часто обращается в тиранию, влечет за собою тысячи несправедливостей и заблуждений, потому что ее сопровождают человеческие слабости; но при всем том она велика и спасительна, потому что она приводит человеческий род в сильное движение, заставляет его сделать большой шаг вперед.

Эти различные причины, различные силы породили между V и IX столетиями различные попытки вывести европейское общество из состояния варварства.

Первая из них – и хотя она не имела важных последствий, но ее нельзя не отметить, потому что она исходила от самих варваров, – это кодификация варварских законов. Между VI и VII веками почти все законы варварских народов были облечены в письменную форму. До того времени это были лишь обычаи, которыми управлялись варвары до утверждения своего на развалинах Римской империи. Известны законы бургундцев, франков салических, франков рипуарских, вестготов, лангобардов, саксов, фризов, баварцев, алеманов и др. Это было, очевидно, началом цивилизации, попыткой подчинить общество власти общих и определенных принципов. Успех этой попытки не мог быть велик, потому что кодифицировались законы несуществовавшего уже общества, законы общественного быта варваров до водворения их на римской территории, – быта, предшествовавшего перемене бродячей жизни на оседлую, состояния кочующих воинов на состояние оседлых собственников. Кое-где встречаются, правда, статьи о землях покоренных варварами, об отношениях победителей к прежним владельцам страны; кое-где видны попытки определить некоторые явления новой общественной жизни; но большая часть законов относится к прежней жизни, к древнему состоянию германцев; они не были применимы к новому обществу и в развитии его не играли почти никакой роли.

В Италии и в Южной Галлии в то же время была сделана другая попытка. Римское общество сохранилось там лучше, чем в других странах; в городах было больше порядка и оживления. Цивилизация попыталась здесь подняться. Вглядываясь, например, в королевство остготов в Италии, при Теодорихе, мы видим, что даже под властью короля-варвара и варварской нации, муниципальное устройство не прекращалось и не оставалось без влияния на общий ход событий. Римское общество влияло на готов и до известной степени слилось с ними. Тот же самый факт наблюдается и в Южной Галлии. В начале VI столетия вестготский король Тулузы, Аларих, предпринял собрание римских законов и обнародовал для своих римских подданных кодекс под именем *Breviarium Aniani*.

Восстановить цивилизацию в Испании пыталась другая сила – сила церкви. Вместо древних германских собраний, собраний мужей, воинов, преобладающим собранием в Испании является толедский собор, и в нем, несмотря на присутствие многих светских лиц, первое место занимают епископы. Откройте закон вестготов – вы увидите, что это не варварский закон. Он, очевидно, составлен тогдашними философами – лицами духовного сословия. Он исполнен общих идей, теорий – и теорий, совершенно чуждых нравам варваров. Так, например, вы знаете, что варварское законодательство было законодательством личным, т. е. известный закон имел силу только для людей одного и того же племени. Римляне управ-

лялись римским, франки – франкским законами. У каждого народа был свой закон, хотя бы они были подчинены одному правительству и жили на одной и той же территории. Вот что называется системою личного законодательства, в противоположность системе реального законодательства, в основе которого лежит территория. Между тем закон вестготов не отличается характером личным: он основан на территории. Все жители Испании, римляне или вестготы, подчинены одному и тому же закону. Продолжайте изучение этого закона – вы встретите еще более ясные признаки философской идеи. У варваров человек имел определенную, зависевшую от положения его цену; варвар и римлянин, свободный человек и зависимый ценились различно, существовал тариф на жизнь каждого из них. В законах вестготов принят принцип равной цены всех людей пред законом. Вспомните систему судопроизводства: вместо очистительной присяги или судебного поединка, вы найдете систему доказательств посредством свидетелей, рациональное исследование дела, т. е. то, что имеет место в цивилизованном обществе. Одним словом, все вестготское законодательство носит на себе ученый, систематический, социальный характер. В нем чувствуется работа того же самого духовенства, которое преобладало на толедских соборах и имело такое могущественное влияние на туземное правительство. Итак, в Испании до вторжения арабов попытка восстановить цивилизацию исходила от теократии.

Во Франции та же попытка была результатом иной силы, она была делом великих людей, в особенности Карла Великого. Рассмотрите его правление с разных сторон, вы увидите, что его господствующею идеею была цивилизация народов. Возьмем сначала его войны; он постоянно в походах: на юге, на северо-востоке, на Эбро, на Эльбе, на Везере. Вы думаете, что эти походы предприняты были им произвольно, в силу одной только жажды завоеваний? Нисколько. Я не говорю, что Карл Великий отдавал себе полный, строгий отчет в своих действиях, чтобы в планах его было много дипломатии и стратегии, но он повиновался крайней необходимости, желанию подавить варварство. Все его царствование было занято противодействием двойственному вторжению: мусульман с юга, германцев и славян с севера. Таков воинственный характер царствования Карла; походы его против саксов не имеют иной причины, иной цели. Переходя от войн к внутреннему управлению Карла Великого, вы различите и там попытку ввести порядок, единство в управлении всеми странами, ему принадлежащими.

Я не хочу употребить выражения *королевство* или *государство*, выражения эти слишком правильны, они возбуждают идею, далеко не соответствующую обществу, во главе которого стоял Карл. Несомненно только то, что, будучи властителем громадной территории, он возмущался при виде царившего в ней беспорядка, анархии и старался изменить это ужасное состояние. Средствами к тому служили прежде всего его *missi dominici*, которые он рассылал во все части территории с тем, чтобы они наблюдали за течением дел, исправляли замеченные недостатки и доносили ему о них; затем общие собрания, которые он созывал с гораздо большею настойчивостью, чем его предшественники; собирал он почти всех знаменитых мужей своей территории. Это не были настоящие свободные собрания, они не представляли ничего похожего на собрания народных представителей в современном значении этого слова. Карл Великий видел в них только средство знакомиться с текущими делами, вносить некоторую правильность в хаос, царивший среди народонаселения.

С какой бы точки зрения вы ни рассматривали царствование Карла Великого, вы постоянно встретите в нем одну и ту же отличительную черту: борьбу с варварством, стремление к цивилизации. Это видно из забот его об учреждении школ, из расположения его к ученым, из покровительства, которое он оказывал влиянию церкви и вообще всему, что, по его мнению, могло действовать или на все общество, или на единичного человека.

Подобная попытка была сделана несколько позже в Англии королем Альфредом.

Таким образом от V до IX столетия в различных пунктах Европы принимались различные, исчисленные мною выше меры для того, чтобы выйти из состояния варварства.

Но все это было безуспешно. Карл не мог основать свою обширную монархию и ту систему управления, которой он желал дать преобладание. В Испании церкви не удалось установить теократическое начало. В Италии и Южной Галлии римская цивилизация хотя несколько раз и пыталась подняться, но это удалось ей лишь гораздо позже, в конце X столетия. До того времени все попытки положить конец варварству оставались без успеха: предпринимавшие эти попытки предполагали людей более развитыми, нежели это было на самом деле, и стремились к установлению, под различными формами, общества более обширного и правильного, нежели то было возможно при тогдашнем распределении сил и состояний умов. Однако попытки эти все-таки не прошли бесследно: в начале X столетия не существовало более ни великой монархии Карла Великого, ни славных теледских соборов, но варварство тем не менее близилось к концу; Европа достигла двух важных результатов.

Во-первых, вторжения народов на севере и на юге были остановлены; государства, образовавшиеся вследствие распада монархии Карла Великого на правом берегу Рейна, представляли сильную преграду народам, стремившимся еще на запад. Неопровержимым доказательством тому служат норманны: до этого времени число морских набегов, за исключением вторжений, сделанных в Англию, было крайне незначительно. В течение IX века эти набеги становятся постоянными и всеобщими. Следовательно, вторжения с сухого пути стали весьма затруднительными; общество приобрело с этой стороны более определенные и безопасные границы. Та часть бродячего населения Европы, которая не могла быть отеснена назад, принуждена была искать счастья на море. Как ни велико было зло, причиненное западу набегам норманнов, но они были далеко не столь губительны, как сухопутные нашествия, и несравненно менее тревожили зарождавшееся общество. На юге мы видим то же самое. Арабы водворяются в Испании; между ними и христианами идет по-прежнему борьба, но она уже не влечет за собою переселения народов. Шайки сарацинов опустошают еще по временам берега Средиземного моря; но успехи ислама очевидно прекратились.

Во-вторых, в то же время внутри европейской территории заметно прекращение бродячей жизни; народонаселения становятся оседлыми, поземельная собственность принимает определенный вид, взаимные отношения людей не изменяются уже, как прежде, со дня на день, под влиянием силы и случая. Внутреннее, нравственное состояние человека также начинает изменяться, его идеи, чувства, как и сама жизнь, приобретают некоторую определенность: он привязывается к месту, на котором живет, к отношениям, в которые вступает, к своим владениям, которые уже надеется передать своим детям, – привязывается к жилищу, которое он впоследствии называет своим замком, и к этому жалкому сборищу рабов, из которого со временем образуется селение. Повсюду являются маленькие общества, маленькие государства, выкроенные, так сказать, по мере идей и мудрости человека того времени. В эти общества вводится мало-помалу связь, начало которой заключается в варварских нравах, связь конфедеративная, не нарушающая личной независимости. С одной стороны, каждое значительное лицо поселяется в своих владениях вместе с семьей и слугами, с другой стороны, между этими собственниками-воинами, рассеянными по территории, устанавливается известная иерархия услуг и прав. Это и есть феодальная система, развившаяся из недр варварства. Из всех разнообразных элементов нашей цивилизации, преобладающее влияние прежде всех, естественно, должен был получить германский: на его стороне была сила, он покорил Европу, от него она должна была получить свою первоначальную форму, свое первое общественное устройство. Так и случилось. Феодальная система, ее характер, роль, которую она играла в истории европейской цивилизации, будет предметом нашей следующей лекции; в недрах утвердившегося феодализма мы на каждом шагу будем встречаться с другими элементами нашего общества: с королевскою властью, церковью, городскими общи-

нами; не трудно предугадать, что этим элементам не суждено погибнуть под феодальной формой, с которою они сливаются, в то же время борясь против нее и ожидая, что и для них ударит час победы.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Необходимая связь учений и фактов. – Перевес селений над городами. – Организация каждого отдельного феодального общества. – Влияние феодальной системы на характер феодального владельца и на семейный дух. – Народная ненависть к феодальному устройству. – Ничтожное значение священника для рабов. – Невозможность правильной организации феодализма: 1) отсутствие сильного авторитета; 2) отсутствие общественной власти; 3) затруднения, сопряженные с федеративным устройством. – Идея о праве сопротивления, свойственная феодализму. – Влияние феодальной системы: благое – на личное развитие человека, дурное – на общественный порядок.

Мы изучили состояние Европы после падения Римской империи в первую эпоху Средних веков, в эпоху варварства. Мы видели, что в конце этой эпохи, в начале X столетия, первую систему, развившуюся и овладевшую европейским обществом, была феодальная система, что из недр варварства прежде всего родился феодализм. Я думаю, нет надобности напоминать, что мы изучаем не историю событий; я не буду рассказывать вам о судьбах феодализма. Нас занимает история цивилизации; цивилизация же есть общий, скрытый факт, который мы ищем под всеми внешними явлениями, скрывающими его. События, общественные кризисы, различные состояния, чрез которые проходило общество, любопытны для нас только по отношению их к развитию цивилизации. Мы должны знать, в чем они противодействовали или способствовали ей, чем обогатили ее и чего ее лишили. Мы будем рассматривать феодальный режим исключительно с этой точки зрения.

В начале этого курса мы определили, что такое цивилизация, мы старались распознать ее элементы. Мы видели, что с одной стороны она состоит в развитии самого человека, отдельной личности, человечества, с другой – в развитии внешнего состояния людей, т. е. общества. Итак, встречаясь с событием, системой, всемирным явлением, мы должны каждый раз задавать себе следующий двойственный вопрос: какое влияние имело это явление на человека? какое влияние оно имело на общество?

Подобные изыскания неизбежно приведут нас к рассмотрению самых важных вопросов нравственной философии. Когда мы захотим узнать степень участия известного события, известной системы в развитии лица и общества, нам необходимо будет определить, в чем состоит истинное развитие того и другого, какое развитие ложно, незаконно, вредит, вместо того чтобы улучшать, влечет за собою регресс вместо прогресса. Нам никоим образом не следует отказываться от подобного изучения; в противном случае нам пришлось бы искажать факты; кроме того, само настроение умов, господствующее в настоящее время, заставляет нас добровольно принять это неизбежное соединение философии с историей. Это один из отличительных признаков и, быть может, самая характерная черта нашей эпохи. Мы призваны изучать и двигать вперед науку и действительность, теорию и практику – нераздельно. До нашего времени эти две силы жили отдельною жизнью. Общество привыкло видеть науку и практику идущими по различным путям, не знающими друг друга или, по крайней мере, не встречающимися между собою. Когда отвлеченные учения, общие идеи хотели воплотиться в событиях, действовать на мир, им удавалось достигнуть этого только в форме фанатизма и с его помощью. Обладание обществами, руководство их делами до сих пор было разделено между двумя влияниями: с одной стороны – людей верующих, фанатиков, приверженцев общих идей и принципов; с другой стороны – людей чуждых всякому рациональному началу, управляемых единственно силою обстоятельств, людей практических, людей минуты (*libertins*, как называли их в XVIII веке). Теперь это двойственное состояние уже прекращается; преобладание не может более принадлежать ни фанатикам,

ни практикам. Теперь, чтобы управлять людьми, чтобы руководить ими, необходимо знать и понимать как общие идеи, так и текущие события; необходимо обращать внимание и на принципы, и на факты; уважать истину и действительность; избегать ослеплений фанатиков и ослепления практиков. Таков результат развития человеческого разума и общественного быта: с одной стороны, человеческий разум, возвышенный и свободный, лучше понимает совокупность явлений, научился обнимать одним взглядом и вводить в свои соображения все существующее; с другой стороны, общество усовершенствовалось до такой степени, что может быть поставлено лицом к лицу с отвлеченной истиной, что факты могут быть сближены с принципами и, несмотря на всю недостаточность первых, такое сопоставление может быть сделано, не вызывая ни в ком ни ужаса, ни отчаянья. Будем повиноваться естественным стремлениям, условиям, требованиям нашей эпохи и потому будем переходить от событий к идеям, от изложения фактов к вопросам теоретическим. В современном расположении умов заключается, быть может, еще одно обстоятельство, говорящее в пользу такого метода. С некоторых пор господствует у нас решительная склонность, даже пристрастие к фактам, к практической точке зрения, к положительной стороне человеческой деятельности. Мы до такой степени были поработаны деспотизмом общих идей, теорий, и они в иных отношениях так дорого обошлись нам, что стали для нас предметом некоторого недоверия. Мы предпочитаем обращаться к фактам, к частностям, к приложениям общих начал к жизни. Не будем жаловаться на это – это новый успех в наших познаниях и великий шаг к открытию истины, если только мы не безусловно подчинимся этой наклонности и не позволим себе слишком увлекаться ею, если мы не забудем, что лишь истина имеет право царствовать над миром, что значение фактов зависит лишь от того, насколько они выражают ее и стремятся все более и более приблизиться к ней, что истинное величие событий проистекает от величия идей, лежащего в их основе. Цивилизация нашего отечества имеет тот отличительный характер, что она никогда не терпела недостатка в умственном величии; она всегда была богата идеями; сила человеческого разума во французском обществе всегда была велика, больше, может быть, чем где бы то ни было. Мы не должны лишиться этого прекрасного преимущества; мы должны предохранить себя от того узкого, материального состояния, в которое впали иные общества. Разум, идеи и в настоящее время не должны лишиться того высокого места, которое они всегда занимали во Франции. Таким образом мы отнюдь не будем избегать общих, философских вопросов, мы не будем искать их, но когда нас натолкнут на них факты, то мы приступим к разрешению их без смущения, без колебания. Мы не раз будем иметь к тому случай при рассмотрении феодального устройства в отношениях его к истории европейской цивилизации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.